

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН

Таинственный рыцарь

III ПОВЕСТЬ
“ЛЕГЕНДЫ СЕМИ КОРОЛЕВСТВ”

Annotation

В честь свадьбы лорда Баттервелла и девицы Фрей устраивается турнир, участвовать в котором планирует Дунк. Главный Приз турнира — драконье яйцо, которое Эйегон Недостойный подарил Баттервелу после того, как одарил троих его дочерей тремя бастардами. Это яйцо — одно из пяти, которые так и не высидела последняя из драконов во времена Эйегона Неудачливого. Каждое из пяти яиц досталось детям Эйегона.

Третья в серии повесть

«Загадочный рыцарь» полностью оправдывает свое название — загадок в повести будет предостаточно, на часть их них читатель получит ответ, а кое о чем должен будет догадаться самостоятельно. Очень многое и многие не те кем кажутся или за кого себя выдают. Кроме того повесть полна и действием, драматическими поворотами сюжета, наконец то появляется магия — в первый раз в цикле про Дунка и Эгга, хотя чтобы ее заметить читать придется весьма внимательно.

Перевод — BaraTheon и
Duncan(wheeloftime_ru)

- Джордж Мартин

-

- notes

- 1

- 2

- 3

- 4

- 5

- 6

- 7

- 8

- 9

- 10

- 11

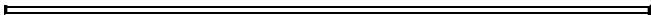
- 12

- 13

- 14

- 15

- 16
- 17

Джордж Мартин

Таинственный

Рыцарь

Дунк и Эгг покидали Каменную Септу под легкий летний дождь.

Дунк правил своим старым боевым конем, Громом, Эгг ехал позади него на норовистом молодом верховом коне, которого называл Дождем, ведя на привязи мула Мейстера. Доспехи Дунка и книги Эгга, их скатанные постели, палатка, одежда, несколько ломтей твердой соленой говядины, полкувшина меда, две кожаные фляги с водой — все это

взгромоздили на спину Мейстера. Старая соломенная шляпа Эгга с широкими обвисшими полями защищала голову мула от дождя. Мальчик прорезал в шляпе дыры как раз для ушей Мейстера. На голове Эгга красовалась новая соломенная. Не считая прорезей для ушей, на взгляд Дунка, между шляпами особой разницы не было.

Возле самых городских ворот Эгг резко натянул поводья. Над аркой располагалась насаженная на железную пику голова изменника. Судя по виду ее отделили от плеч недавно, кожа была скорее розовой, чем зеленой, но вороны-падальщицы уже успели поработать над ней. Губы

и щеки мертвеца были разорваны и свисали лохмотьями; вместо глаз зияли две коричневые дыры, из которых медленно текли красные слезы из капель дождя вперемешку с запекшейся кровью. Рот мертвеца был открыт, казалось, для того, чтобы поболтать с путешественниками, проходящими снизу под аркой.

Подобное зрелище было Дунку не ново.

— В Королевской Гавани, когда я мальчишкой был, я как-то спер голову прямо с пики, — сказал он Эггу.

Вообще-то это Хорек тогда взвился на стену, чтобы сорвать

голову, после того, как Раф и Пуддинг заявили, что он не посмеет этого сделать, а потом, когда появились стражники, он сбросил ее вниз, а Дунк ее поймал.

— Это была голова какого-то мятежного лорда или рыцаря-разбойника. А может, обычного убийцы. Голова как голова. Они все одинаковые, после того как проведут пару деньков на пике.

Он с тремя своими друзьями потом этой головой пугал девчонок с Блошиного Конца. Они гонялись за ними по аллеям, а потом заставляли целовать голову, прежде чем отпустить. Ту самую голову целовали тогда не единожды, насколько ему не

изменяла память. Ни одна девчонка в Королевской Гавани не бегала так быстро, как Раф. Хотя эту часть истории он предпочел не рассказывать Эггу. Хорек, Раф и Пуддинг. Трое маленьких чудовищ, и я, худший из них. Они с друзьями хранили голову, пока кожа на ней не почернела и не стала шелушиться. После этого никакого веселья в погонях за девчонками не было, и однажды ночью они вломились в посудную лавку и закинули останки в чайник.

— Вороны всегда с глаз начинают, — сообщил он Эггу. — Потом щеки вваливаются, плоть становится зеленой...

Он прищурился.

— Погоди. Лицо мне знакомо.

— Ваша правда, сир, — сказал Эгг. — Горбатый септон, который проповедовал против Лорда Бладрейвена. Мы слышали его проповеди третьего дня.

Тогда он вспомнил. Это был действительно святой человек, принесший обет Семерым, хоть его проповеди и призывали к мятежу.

— Его руки обагрены кровью брата и кровью его молодых племянников, — вещал горбун толпе, которая собралась на рыночной площади — Тень явилась по его приказу и удавила сыновей храброго Принца Валарра во чреве матери. Где

теперь ваш Юный принц? Где его брат, милый Матарис? Куда делись добрый король Дэйрон и бесстрашный Бэйлор Копьелом? Они все в могиле, все до единого, а он жив-здоров, бледная птица с кровавым клювом, сидит на плече Короля Эйриса и каркает ему на ухо. На его лице и в его пустой глазнице печать ада, он принес нам засуху, поветрие и убийства. Восстаньте, говорю я вам, и вспомните об истинном короле за морем. Есть Семеро богов и Семь королевств, и Черный дракон произвел на свет семерых сыновей! Восстаньте, милорды и леди. Восстаньте, храбрые рыцари и вы, отважные

пахари, низвергните Кровавого Ворона, этого мерзкого чернокнижника, иначе быть вашим детям и детям ваших детей проклятыми во веки вечные.

Каждое слово было изменой. И все же увидеть его здесь, с пустыми глазницами, было ужасно.

— Это он, ага, — сказал Дунк. — Еще одна веская причина покинуть этот город.

Он коснулся Грома шпорами, и Эгг проехал под аркой ворот Каменной Септы, прислушиваясь к мягким звукам дождя. Сколько глаз у Лорда Кровавого Ворона, — спрашивала загадка. Тысяча глаз и еще один. Некоторые утверждали,

что Десница Короля учился темным наукам, умел менять лицо, напускать личину одноглазой собаки, даже обратиться туманом. Стаи поджарых серых волков выслеживали его врагов, говорили люди, а вороны-падальщицы шпионили для него и нашептывали ему чужие секреты. Большая часть этих басен и в самом деле были небылицами, Дункнисколько не сомневался в этом, но не было сомнений и в том, что у Бладрейвена шпионы были повсюду.

Однажды он видел его собственными глазами. Кожа и волосы Бриндена Риверса были белее кости, а глаз — у него был всего один глаз, второго его лишил сводный брат

Злой Клинок на Краснотравном Поле — был красным, как кровь. На щеке и шее у него были родимые пятна винного цвета, отчего он и получил свое прозвище.

Когда город остался далеко позади, Дунк прочистил горло и сказал:

— Нехорошо это, головы септонам рубить. Он только говорил. Слова — это ветер.

— Некоторые слова это ветер, сир. А некоторые — измена.

Эгг был тощим, как палка, весь из ребер и локтей, но язык у него был подвешен как надо.

— Ну вот, ты заговорил, как настоящий принц.

Эгг воспринял эти слова как оскорбление, каковым они и являлись.

— Возможно, он и был септоном, но он проповедовал ложь, сир. Засуха пришла не по вине Лорда Кровавого Ворона, как и Великое Весеннее Поветрие.

— Может и так, да только если мы станем рубить головы всем глупцам и лжецам, половина городов в Семи Королевствах опустеют.

* * *

Шесть дней спустя от дождя остались одни лишь воспоминания.

Дунк стянул тунику, с удовольствием ощущая тепло солнечного света на своей коже. Когда налетел легкий бриз, прохладный, свежий и благоухающий, как девичье дыхание, он вздохнул.

— Вода, — объявил он — Чувствуешь ее запах? Озеро должно быть неподалеку.

— Единственный запах, который я чувствую, это запах Мейстера, сир. Он воняет. — Эгг немилосердно дернул повод мула — Мейстер остановился пощипать травку у обочины дороги, как он время от времени делал.

— На берегу озера есть старая

гостиница. — Дунк останавливался там однажды, когда служил оруженосцем старику. — Сир Арлан говорил, что у них варят отличный коричневый эль. Может, нам удастся попробовать его, пока будем ждать паром.

Эгг с надеждой взглянул на него:

— Чтобы запить еду, сир?

— Какую еду?

— Ломтик жаркого? —

поинтересовался мальчик. — Кусочек утки, миску тушеного мяса? Что-нибудь, что у них есть, сир.

Последний раз они ели горячую пищу три дня назад. С тех пор они питались паданцами и полосками старой соленой говядины, твердой

как дерево. Неплохо было бы подкрепиться настоящей едой, прежде чем отправится на Север. До Стены далеко.

— Мы могли бы и переночевать там, — предложил Эгг.

— Милорд предпочитает спать на пуховой перине?

— Соломенный тюфяк меня вполне устроит, сир, — обиженно ответил Эгг.

— На кровати у нас денег нет.

— У нас есть двадцать два гроша, три звезды, один олень и тот старый колотый гранат, сир.

Дунк поскреб за ухом.

— Я думал, у нас было два серебряных оленя.

— Было, пока вы не купили палатку. Теперь один.

— У нас ни одного не останется, если мы станем ночевать на постоянных дворах. Хочешь разделить кровать с каким-нибудь коробейником и проснуться с блохами? — фыркнул Дунк. — Я — нет. У меня свои блохи, и они не любят чужих. Будем спать под звездами.

— Звезды это хорошо, — согласился Эгг, — но земля твердая, сир, и иногда приятно положить голову на подушку.

— Подушки, они для принцев.

Эгг был таким оруженосцем, о каком любой рыцарь мог только

мечтать, но время от времени он вел себя точь-в-точь как принц. У этого парня драконья кровь, никогда не забывай об этом. У самого Дунка была кровь оборванца... по крайней мере так ему говорили на Блошином Конце, а еще, что его ждет виселица.

— Думаю, мы можем позволить себе эль и горячий ужин, но тратить добрую монету на постель я не собираюсь. Нам нужно сберечь наши гроши для паромщика.

Последний раз, когда он пересекал озеро, паромщик брал всего лишь пару медяков, но то было лет шесть назад, или даже семь. С тех пор все подорожало.

— Ну, — сказал Эгг, — мы

могли бы воспользоваться моим сапогом для переправы.

— Могли бы, — ответил Дунк. — Но не станем.

Пользоваться сапогом было опасно. Слухи поползут. Слухи всегда ползут. Его оруженосец не случайно был лысым. У Эгга были лиловые глаза старой Валирии, а волосы сияли как кованое золото и нити серебра, сотканые вместе. Он также носил обруч в виде трехглавого дракона, когда волосы отрастали. Опасные времена настали в Вестеросе, и... одним словом, лучше было не рисковать.

— Еще слово о твоём чертовом сапоге и я так тебе двину в ухо, что

ты перелетишь через это озеро.

— Уж лучше я переплыву, сир.

Эгг хорошо плавал, а Дунк нет. Мальчик повернулся в седле.

— Сир? Кто-то движется по дороге позади нас. Слышите лошадей?

— Я не глухой. — Дунк еще и видел пыль, которую поднимали лошади. — Большой отряд. Торопятся.

— Думаете, это разбойники, сир? — Эгг поднялся в стремянах, скорее от нетерпения, чем от страха. Такой уж он был мальчик.

— Разбойники вели бы себя тише. Только лорды так шумят. — Дунк брякнул по рукояти меча, чтобы

чуть ослабить лезвие в ножнах. — Тем не менее, мы съедем с дороги и дадим им проехать. Лорды бывают разные.

Никогда не мешало проявить чуточку осторожности. Дороги уже не были так безопасны, как в те времена, когда Добрый Король Дэйрон сидел на Железном Троне.

Они с Эггом укрылись за кустом, покрытым шипами. Дунк снял щит с плеча и насадил его на руку. Щит был старым, длинным и тяжелым, по форме напоминал воздушного змея, был сделан из сосны и обрамлен полосами железа. Он купил его в Каменной Септе взамен того, что Длинный Дюйм

изрубил в щепки, когда они сражались. У Дунка не было времени нарисовать на нем свой вяз и падающую звезду, поэтому на щите был нарисован герб предыдущего владельца: висельник, мрачный и серый, раскачивающийся под деревом-виселицей. Такой знак он сам бы себе не выбрал, но щит достался дешево.

Через считанные мгновения мимо промчались первые всадники; два молодых лорденыша верхом на паре рысаков. Тот, что был на гнедом, носил на голове шлем с открытым лицом из золоченой стали с плюмажем из трех высоких перьев, белого, красного и золотого. Перья

тех же цветов украшали латный шарф его коня. Черный жеребец подле него был закован в сине-золотой доспех. Его попона струилась на ветру, когда он прогромыхал мимо них. Улюлюкая и смеясь, всадники бок о бок пронеслись прочь, их длинные плащи развевались за ними.

Третий лорд ехал степенней, возглавляя длинную колонну. Отряд состоял из двух дюжин всадников, конюхов, поваров и служек, все при трех рыцарях, а также солдат и конных арбалетчиков, за которыми тянулась дюжина подвод, груженных их доспехами, палатками и провизией. С седла лорда свешивался его щит с тремя черными замками на

темно-оранжевом фоне.

Дунку был знаком этот герб, но откуда? Лорд, которому принадлежал герб, был мужчиной в годах, угрюмым, с горьким выражением лица и коротко стриженной бородкой с проседью. *«Может, он был на Эшфордском Лугу, — подумал Дунк. — Или, может, мы служили в его замке, когда я был оруженосцем сира Арлана».* Старый межевой рыцарь служил в таком количестве разных цитаделей и замков в свое время, что Дунк не вспомнил бы и половины из них.

Лорд резко натянул поводья, хмуро оглядывая шипастый куст.

— Вы, в кустах! Покажитесь.

Позади него два арбалетчика сунули болты в оружие. Остальные продолжили движение.

Дунк вышел из высокой травы, со щитом на руке, правая рука покоилась на навершии меча. Его лицо покрывала красно-коричневая маска от пыли, поднятой лошадьми, и он был по пояс обнажен. Выглядел он весьма неряшливо, он знал это, хотя было видно, что его рост привел их в замешательство.

— Мы не ищем неприятностей, милорд. Нас всего двое, я и мой оруженосец. — Он кивком подозвал Эгга.

— Твой оруженосец? Так ты утверждаешь, что ты рыцарь?

Дунку не нравилось, как лорд смотрел на него. Эти глаза могли бы содрать с человека кожу. Благоразумнее было убрать руку с меча.

— Я межевой рыцарь, предлагающий свои услуги.

— Каждый рыцарь-грабитель, которого я повесил в своей жизни, говорил то же самое. Твой щит может оказаться пророческим, сир... если ты и в самом деле сир. Виселица и висельник. Это твой герб?

— Нет, милорд. Надо перекрасить щит.

— Почему? Ты обчистил чей-то труп?

— Я купил его, заплатив

честной монетой. — Три замка, черные на оранжевом поле... где же я их видел раньше? — Я не грабитель.

Глаза лорда были точно кусочки кремня.

— Откуда у тебя шрам на щеке? Это порез от удара хлыстом?

— Кинжалом. Хотя мое лицо Вас не касается, милорд.

— Мне решать, что меня касается, а что нет.

К этому времени два молодых рыцаря рысцой вернулись посмотреть, что задержало их отряд.

— Вот ты где, Горми, — крикнул всадник на черном жеребце, молодой человек, сухощавый и

гибкий, с красивым гладко выбритым лицом с правильными чертами. Черные блестящие волосы ниспадали на ворот. Его дублет был сделан из темно-синего шелка, окаймленного золотым атласом. На груди золотыми нитями был вышит зазубренный крест с золотыми скрипками в первой и третьей четвертях и золотыми мечами во второй и четвертой. Темно-синий дублет подходил под его глаза, которые искрились весельем. — Эйлин переживал, не свалился ли ты с лошади. Кажется, он просто искал предлог, я вот-вот оставил бы его позади дышать пылью.

— Кто эти два разбойника? —

спросил всадник на гнедом.

— У Вас нет права называть нас разбойниками, милорд, — ошетинился на оскорбление Эгг. — Когда мы увидели поднятую вами пыль, мы думали, что это вы бандиты, это единственная причина, по которой мы спрятались. Это сир Дункан Высокий, а я его оруженосец.

Лорденыши обратили на его слова меньше внимания, чем на кваканье лягушки.

— Думаю, это самая крупная деревенщина, которую я когда-либо видел, — объявил рыцарь с тремя перьями. — У него было пухлое лицо, обрамленное кудрями цвета темного меда. Семь футов и ни

дюймом меньше, могу побиться об заклад. Представьте, с каким грохотом он рухнет.

Дунк почувствовал, как краска заливает его лицо. *«Ты бы проиграл свой заклад»*, — подумал он. Последний раз, когда мерили его рост, брат Эгга Эймон объявил, что ему не хватало дюйма до семи футов.

— Это твой боевой конь, сир Великан? — спросил лорденыш с перьями. — Полагаю, мы могли бы забить его на мясо.

— Лорд Эйлин часто забывает о хороших манерах — сказал черноволосый рыцарь. — Прошу Вас простить его за грубые слова, сир. Эйлин, проси прощения у Сира

Дункана.

— Если это необходимо. Вы простите меня, сир? — не дожидаясь ответа, он повернул своего гнедого и рысью двинулся по дороге.

Второй задержался.

— Вы направляетесь на свадьбу, сир?

От ноток в его тоне Дунк страстно захотел дернуть его за чуб. Он поборол желание и ответил:

— Мы ждем паром, милорд.

— Как и мы. Но единственные лорды здесь — это Горми и этот никудышный бродяга Эйлин Кокшо. Я сам странствующий межевой рыцарь, как и Вы. Сир Джон Скрипач, так меня называют.

Имя было подходящим для межевого рыцаря, но Дунк никогда не видел межевого рыцаря, который бы был одет и вооружен с таким блеском и имел бы такого превосходного коня. Рыцарь золотой межи, подумал он.

— Мое имя Вам известно. Моего оруженосца зовут Эгг.

— Рад знакомству, сир. Поедьте с нами в Белостенный замок, преломим пару копий, чтобы помочь Лорду Баттервелу отпраздновать его очередную свадьбу. Бьюсь об заклад, вы смогли бы достойно выступить.

Дунк не участвовал в турнирах со времен Эшфордского Луга. «Если

бы мы получили пару выкупов, мы бы хорошо ели по пути на Север», — подумал он, но лорд с тремя замками на щите заявил:

— Сиру Дункану надо ехать по своим делам, как и нам.

Джон Скрипач никакого внимания на слова старшего не обратил.

— Очень хотел бы скрестить с Вами мечи, сир. Я сражался с мужчинами из многих земель и народов, но никто Вашего роста мне не попадался. Ваш отец был таким же высоким?

— Я не знал своего отца, сир.

— Печально это слышать. Мой родитель также покинул меня

слишком рано. — Скрипач повернулся к лорду трех замков. — Нам нужно попросить сира Дункана присоединиться к нашей веселой компании.

— Нам не нужны ему подобные.

У Дунка не было слов. Нищие межевые рыцари не часто получали приглашения от высокорожденных лордов сопровождать их. *«У меня больше общего с их слугами»*. Судя по длине колонны, Лорд Кокшо и Скрипач привели с собой конюхов, чтобы смотреть за их лошадьми, поваров, чтобы кормить их, оруженосцев, чтобы чистить их доспехи, стражу, чтобы защищать их. У Дунка был Эгг.

— Ему подобные? — Скрипач засмеялся. — Это какие же? Такие же большие? Погляди, как он велик. Нам нужны сильные мужчины. Молодые мечи стоят дороже старых имен, так часто говорят.

— Глупцы — так говорят. Вы едва знакомы с этим человеком. Он может быть разбойником или одним из соглядатаев Лорда Бладрейвена.

— Ничей я не соглядатай, — сказал Дунк. — И милорд не имеет права говорить обо мне так, словно я глух или мертв, или нахожусь в Дорне.

Глаза из кремня уставились на него.

— В Дорне Вам самое место,

сир. Я Вам разрешаю туда отправиться.

— Не обращайтесь на него внимания, — сказал Скрипач. — Он горький старый калач, всех подозревает. Горми, у меня хорошее предчувствие на счет этого парня. Сир Дункан, Вы отправитесь с нами в Белостенный замок?

— Милорд, я... — как он мог оставаться в одном лагере с такими? Их прислуга поднимет их палатки, их конюхи станут чистить скребницами их лошадей, их повара приготовят им по каплуну или доброму куску говядины, в то время как Дунк и Эгт будут жевать полоски твердого соленого мяса. — Я не могу.

— Видите, — сказал Лорд с замками. — Он знает свое место, и оно не с нами.

Он повернул коня обратно к дороге:

— Лорд Кокшо уже опередил нас на пол-лиги.

— Полагаю, мне снова нужно догонять его, — Скрипач улыбнулся Дунку извиняющейся улыбкой. — Возможно, мы снова встретимся когда-нибудь. Надеюсь. Очень хотел бы преломить с Вами копьа.

Дунк не знал, что на это ответить.

— Удачи на турнире, сир, — сообразил он, наконец, но к этому времени Сир Джон уже догонял

колонну. Старый лорд скакал вслед за ним. Дунк был рад увидеть его спину. Ему не понравились ни его глаза из кремня, ни наглость Лорда Эйлина. Скрипач был достаточно вежлив, но и в нем было что-то странное.

— Две скрипки, два меча, вышитый крест, — сказал он Эггу, наблюдая, как оседает за ними пыль. — Это какой дом?

— Никакой, сир. Никогда не видел такой герб ни на одном из щитов.

А может, он и вправду был межевым рыцарем. Дунк свой герб выдумал сам на Эшфордовом лугу, когда кукольница по имени Тансель

Длинная спросила у него, что он нарисовал бы на своем щите.

— А старший лорд не был какой-нибудь родней Дому Фреев? — У Фреев были замки на щитах, и их земли были неподалеку.

Эгг закатил глаза.

— У Фреев герб в виде двух синих башен, соединенных мостом на сером фоне. А это были три замка, черных на оранжевом поле, сир. Вы мост видели?

— Нет. — Он это делает просто для того, чтобы позлить меня. — А в следующий раз, когда станешь закатывать глаза, я так двину тебе в ухо, что они закатятся в твою башку навсегда.

У Эгга был виноватый вид:

— Я не хотел...

— Не важно, что ты хотел.

Просто скажи, кто это был.

— Гормон Пик, лорд Старпайка.

— Это в Просторе, так? У него действительно три замка?

— Только на щите, сир. Дом Пиков владел тремя замками когда-то, но потом два из них были потеряны.

— Как можно потерять два замка?

— Нужно сражаться на стороне Черного Дракона, сир.

— Ага, — Дунк почувствовал себя дураком. Опять.

В течение двухсот лет

королевством правили потомки
Эйгона Завоевателя и его сестер,
которые объединили Семь
Королевств в одно и выковали
Железный трон. Их королевские
стяги украшали трехглавые драконы
Дома Таргариен, красные на черном.
Шестнадцать лет назад бастард
короля Эйгона IV по имени Дэймон
Черное Пламя поднял мятеж против
своего законнорожденного брата.
Дэймон также использовал
трехглавых драконов, но поменял
цвета, как и многие бастарды. Его
мятеж закончился на Краснотравном
Поле, где погиб сам Дэймон и его
сыновья- близнецы под дождем стрел
Лорда Бладрейвена, Кровавого

ворона. Те из мятежников, кто выжил и преклонил колено, были прощены, но некоторые потеряли земли, некоторые титулы, а некоторые золото. Все отдали заложников в качестве поруки за свою верность в будущем.

Три замка, черные на оранжевом.

— Теперь вспомнил. Сир Арлан не любил рассказывать о Краснотравном Поле, но однажды, выпив, он поведал, как погиб сын его сестры.

Казалось, он почти слышал голос старика, чувствовал запах вина в его дыхании.

— Роджер из Пеннитри, так его

звали. Его голову проломил булавой лорд с тремя замками на щите — Лорд Гормон Пик. Старик так и не узнал его имени. Или не хотел узнавать. К тому времени Лорд Пик, Джон Скрипач и их отряд превратились в столб красной пыли вдали. Шестнадцать лет прошло. Самозванец погиб, его последователи бежали в изгнание или были прощены. В любом случае, ко мне это никакого отношения не имеет.

Какое-то время они ехали молча, слушая жалобные крики птиц. Поллиги спустя, Дунк прочистил горло и сказал:

— Баттервел, он сказал. Его

земли рядом?

— На противоположном берегу озера, сир. Лорд Баттервел был мастером-над-монетой, когда король Эйгон сидел на Железном Троне. Король Дэйрон сделал его Десницей, но ненадолго. Его цвета зеленый, белый и желтый, сир. — Эгг обожал рисоваться своими познаниями в геральдике.

— Он друг твоего отца?

Эгг построил мину.

— Мой отец никогда не любил его. Во время Мятежа, второй сын Лорда Баттервелла сражался на стороне самозванца, а его старший сын на стороне короля. Так он был уверен, что окажется на стороне

победителя при любом исходе. Лорд Баттервелл ни за кого не сражался.

— Некоторые назвали бы его разумным

— Мой отец зовет его трусом.

Ага, так и зовет. Принц Мэйкар был жестким человеком, гордым и полным презрения.

— Нам надо будет пройти мимо Белостенного, чтобы добраться до Королевского тракта. Почему бы не набить животы? — От одной этой мысли его живот заурчал. — Возможно, кому-то из гостей на свадьбе понадобится эскорт, чтобы сопроводить его обратно до поместья.

— Вы сказали, что мы едем на

Север.

— Стена стоит восемь тысяч лет, постоит еще немного. До нее тысяча лиг отсюда, а немного серебра в нашем кошеле не помешает. Дунк представлял себя верхом на Громе, скачущим на встречу этому горьколицему лорду с тремя замками на щите. Было бы здорово. *Вас побил оруженосец старого Сира Арлана*, сказал бы я ему, когда он придет выкупать свое оружие и доспех. *Мальчик, который пришел на смену тому, которого Вы убили*. Старику бы понравилось.

— Вы же не собираетесь участвовать в турнире, сир?

— Возможно, сейчас самое

время

— Нет, сир.

— Возможно, сейчас самое время дать тебе в ухо. Мне нужно победить всего в двух схватках. Если бы я получил два выкупа и заплатил один, мы бы ели как короли целый год.

— Если была бы общая рукопашная, я бы принял участие. — Рост и сила Дунка послужат ему лучше в рукопашной, чем в конном турнире.

— На свадьбах обычно рукопашных не бывает, сир.

— На свадьбах обычно бывают пиры. Нам предстоит долгий путь. Почему бы не наесться от души хоть

раз?

* * *

Солнце спустилось низко к западу к тому времени, и когда они увидели озеро, его воды мерцали красными и золотыми отблесками, яркими, как лист кованой меди. Когда они увидели башенки гостиницы над ивами, Дунк снова скинул свою пропахшую потом тунику и остановился плеснуть в лицо водой. Он смыл дорожную пыль, как мог, и провел мокрыми пальцами по копне своих волос с солнечными прожилками. Ни со

своим ростом, ни со шрамом, пересекавшим его щеку, он ничего поделать не мог, но он хотел выглядеть получше дикого рыцаря-разбойника.

Гостиница представляла собой большое серое растянувшееся бревенчатое здание с башенками, половина его стояла на сваях над водой. Гать из грубо обрезанных досок вела над болотистым берегом озера к месту погрузки на паром, но ни самого парома, ни паромщиков видно не было. Через дорогу стояла крытая соломой конюшня. Неприветливая каменная стена окружала двор, но ворота были открыты. Внутри двора они

обнаружили колодец и корыто для водопоя.

— Напой животных, — сказал Эггу Дунк. — Смотри, чтобы они не пили слишком много. Я спрошу насчет еды.

Хозяйку гостиницы он застал подметающей ступени.

— Вы на паром пришли? — спросила его женщина. — Тогда вы опоздали. Солнце почти село, а Нед не любит пересекать озеро ночью, если только луна не полная. Но с утра он уже будет здесь.

— Знаешь, сколько он просит?

— Три гроша за каждого из вас и десять за лошадь.

— У нас две лошади и мул

— За мулов он тоже десять берет.

Дунк подсчитал расходы и у него получилось шесть и тридцать, больше, чем он надеялся потратить.

— Прошлый раз это стоило два гроша и шесть за лошадь.

— Ты это Неду скажи, мне-то что. Если нужна кровать, так у меня свободных нет. Лорд Шони и Лорд Костейн привели с собой свиту. Гостиница того гляди треснет.

— А Лорд Пик здесь? — *Он убил оруженосца сира Арлана.* — Он был с Лордом Кокшо и Джоном Скрипачем.

— Нед их перевез в последний заплыв. — Она оглядела Дунка с

головы до ног. — Вы с их отряда, что ли?

— Просто встретились с ними на дороге. — Приятный запах, от которого у Дунка потекли слюнки, сочился из окон гостиницы, — Может, мы отведаем вашего жаркого, если оно не слишком дорого.

— Оно из дикого кабана, — сказала женщина, — хорошо перченное, с луком, грибами и пюре из репы.

— Обойдемся без репы. Пару кусков кабана и по кружке вашего доброго коричневого эля нам хватит. Сколько это будет стоить? И, возможно, у вас найдется место в конюшне, чтобы переночевать?

Это было ошибкой.

— Конюшни для лошадей.

Поэтому они и называются конюшнями. Ты здоров, как лошадь, это точно, но я вижу только одну пару ног. — Она отгоняющим движением ткнула в его сторону метлой. — Я не могу накормить все Семь Королевств. Кабан для постояльцев, как и мой эль. Не допущу чтобы лорды говорили, что у меня закончилась еда и выпивка прежде, чем они насытились. В озере полно рыбы, а возле пней стоит лагерем такое же жулье. Межевые рыцари, если верить им на слово. — По ее тону было ясно, что она им не верит. — Может, они с тобой едой

поделятся. Мне дела нет. Теперь уходи, у меня работы полно. — Дверь с громким хлопком закрылась за ней, прежде чем Дунк успел спросить, где находятся эти самые пни.

Он обнаружил сидящего на корыте Эгга, который опустил ноги в воду и обмахивал лицо своей большой обвислой шляпой.

— Они делают жаркое из свиньи, сир? Я чувствую запах свинины.

— Из дикого кабана, — мрачно сказал Дунк. — но кому нужен кабан, когда у нас есть старая добрая соленая говядина?

Эгг скорчил рожу.

— А можно я съем свои сапоги

вместо говядины, сир? Я сделаю себе новую пару из соленой говядины. Она покрепче будет.

— Нет, — сказал Дунк, сдерживая улыбку. — Ты не можешь съесть сапоги. Еще слово, и ты отведаешь мой кулак. Вынь ноги их корыта. — Он нашел свой шлем на спине мула и протянул его Эггу. — Набери воды из колодца, и мы размочим говядину.

Если ее не размачивать достаточно долго, можно будет зубы обломать. Вкуснее было бы размочить ее в эле, но и в воде было терпимо.

— Не вздумай из корыта набирать, не хочу чувствовать вкус

ТВОИХ НОГ.

— Мои ноги только улучшили бы ее вкус, сир, — сказал Эгг, играя пальцами ног. Но сделал так, как ему было велено.

Найти межевых рыцарей оказалось не трудно. Эгг разглядел отблески их костра возле берега озера, туда-то они и отправились, ведя на поводу животных. В шлеме Дунка, который мальчик нёс подмышкой, хлюпало при каждом шаге. К этому времени от солнца осталось лишь алое воспоминание на западе. Вскоре деревья расступились и они обнаружили, что оказались на месте прежней богорощи. Лишь белые пни и

сплетения мертвенно-бледных
корней напоминали о деревьях,
которые возвышались здесь, когда
Вестеросом правили Дети Леса.

Посреди пней чардрев возле
костра на корточках сидели двое
мужчин и пили вино, передавая мех
друг другу. Их лошади паслись
позади рощи, а оружие и доспехи
были аккуратно сложены поодаль.
Мужчина, который был гораздо
моложе первых двух, сидел отдельно,
прислонившись спиной к каштану.

— Приятно встретиться,
сыры, — приветствовал Дунк
издалека самым беспечным тоном.
Всегда неразумно подходить к
вооружённым людям без

предупреждения. — Меня зовут сир Дункан Высокий, а парня — Эгг. Можем мы разделить тепло вашего огня?

Плотный человек средних лет, облачённый в пышные лохмотья, поднялся поприветствовать пришедших. Ярко-рыжие бакенбарды обрамляли его лицо.

— Рад встрече, сир Дункан. А вы большой... и добро пожаловать, разумеется, как вам, так и вашему парню. Эгг, не так ли? Что это за имя, прошу прощения?

— Это сокращение, сир, — Эгг знал, что лучше не выдавать, что это сокращение от Эйгон. Во всяком случае, уж точно не незнакомцам.

— Разумеется. Что случилось с твоими волосами?

«Корневые черви, — подумал Дунк. — Парень, скажи ему, что это были корневые черви». Это была самая безопасная история, выдумка, которой они пользовались чаще всего... но иногда Эггу приходило в голову поребячиться.

— Я их сбрил, сир. Я собираюсь остаться обритым, пока не заработаю свои шпоры.

— Достойный обет. Я сир Кайл, Кот Туманного Болота. Вон там под каштаном сидит сир Глендон, эээ... Болл. А здесь перед вами добрый сир Мейнард Пламм. [\[1\]](#)

Эгг наострил уши:

— Пламм... а не родственник ли вы Лорду Визерису Пламму, сир?

— Дальний, — признался сир Мейнард, высокий сутулый человек с длинными прямыми, соломенного цвета волосами, — Хотя сомневаюсь, что его светлость признает это. Можно сказать, что он из сладких Пламмов, а я из кислых.

Плащ Пламма, фиолетовый как и его имя, истрепался по краям и окрашен был неважно. Брошь из лунного камня величиной с куриное яйцо закрепляла его на плече. Остальная его одежда была из серо-коричневой плохо выделанной кожи.

— У нас есть солёная говядина, — сказал Дунк.

— У сира Мейнарда мешок яблок, — сказал Кайл Кот. — А у меня маринованные яйца и лук. Вместе мы можем устроить пир! Садитесь, сир. У нас великолепный выбор пней. Мы тут будем до позднего утра, если только я не ошибаюсь в своих предположениях. Здесь только один паром и он недостаточно велик, чтобы вместить нас всех. Лорды и их прихвостни должны переправляться первыми.

— Помоги мне с лошадьми, — велел Дунк Эггу. Вместе они расседлали Грома, Дождя и Мейстера.

Только после того как животные были накормлены, напоены и

стреножены на ночь, Дунк согласился отхлебнуть из винного меха, предложенного сиром Мейнардом.

— Даже кислое вино лучше, чем никакое, — заметил Кайл Кот. — Мы будем пить вино получше в Белостенном замке. Говорят у Лорда Баттервелла^[2] лучшие вина к северу от Арбора. Он был однажды Десницей Короля, как и отец его отца до него, и говорят, он человек благочестивый, и очень богатый.

— Всё его богатство от коров, — сказал Мейнард Пламм. — Он должен поместить налитое вымя на свой герб. У этих Баттервелов молоко бежит по венам, и Фрей ничем не

лучше. Это будет свадьба воров скотины и сборщиков проездной платы, один денежный мешок сочетается с другим. Во времена восстания Чёрного Дракона этот лорд коров послал одного сына к Дэймону, а другого — к Дэйрону, чтобы уж точно быть уверенным, что дом Баттервелл будет на стороне победителя. Оба сложили головы на Краснотравном Поле, а его младший умер по весне. Вот почему он опять женится, если его новая жена не подарит ему сына, имя Баттервеллов умрёт вместе с ним.

— Так и должно быть, — сир Глендон Болл ещё раз провёл по мечу точилом. — Воин ненавидит трусов.

Презрение в его голосе заставило Дунка обратить на говорившего внимание. Одежды сира Глендона были из хорошего полотна, но изрядно заношены, плохо сочетались и явно были с чужого плеча. Локон тёмно-коричневых волос выбивался из под железного полушлема. Сам парень был низким, плотным, с маленькими близко посаженными глазами, широкими плечами и мускулистыми руками. У него были мохнатые, как две гусеницы после влажной весны, брови, нос луковицей, да задиристый подбородок. И он был молод. *«Шестнадцать, скорее всего. Точно не более восемнадцати»*, — Дунк

принял бы его за оруженосца, если бы сир Кайл не назвал его *сиром*. Вместо бакенбард щёки парня были покрыты прыщами.

— Как давно ты стал рыцарем? — спросил его Дунк.

— Достаточно давно. Полгода исполнится после лунного поворота. Я был посвящён в рыцари сиром Морганом Данстэйблом из Кувыркающихся Водопадов, две дюжины человек видели это, но я готовился к рыцарству с момента рождения. Я научился скакать до того как ходить, и выбил взрослому человеку зуб ещё до того, как потерял свой первый молочный. Я собираюсь сделать себе имя в Белостенном

Замке и завоевать яйцо дракона.

— Яйцо дракона? Так это и есть приз победителю? Правда?

Последний дракон скончался полвека назад. Однако сир Арлан однажды видел кладку её яиц. *«Они были тверды, как камень, но прекрасны»*, — говаривал старик Дунку.

— Откуда у лорда Баттервелла взялось драконье яйцо?

— Король Эйгон подарил яйцо отцу его отца после того, как погостил одну ночь в его старом замке, — сказал Мейнард Пламм.

— Это была награда за какой-то доблестный поступок? — поинтересовался Дунк.

Сир Кайл рассмеялся.

— Кто-то может так это и назовёт. Рассказывают, у старого Лорда Баттервелла были три юные невинные дочери, когда прибыли Его Милость. К утру каждая из троих понесла бастарда. Ночной труд в поте лица — вот что это было.

Дунк слышал такие рассказы и раньше. Эйгон Недостойный переспал с доброй половиной дев королевства и якобы многих одарил бастардами. Хуже всего, что старый король признал их всех на смертном одре, от низкорождённых — детей кабацких девок, шлюх, пастушек — до Великих Бастардов, чьи матери были высокого рода.

— Мы все были бы бастардами старого короля Эйгона, если бы хоть половина этих баек оказалось правдой.

— А кто сказал, что мы ими не являемся? — съязвил сир Мейнард.

— Вы должны поехать с нами в Белостенный Замок, сир Дункан, — настаивал сир Кайл. — При вашем-то росте вы наверняка попадёте на глаза какому-нибудь лорду. Вы можете найти там хорошую службу. Я знаю, что я найду. Джофффри Касвелл будет на этой свадьбе, лорд Горького Моста. Когда ему было три, я сделал ему его первый меч. Вырезал из сосны, прямо по его ручке. В мои зелёные годы мой меч служил его

отцу.

— Он тоже был выструган из сосны? — спросил сир Мейнард.

У Кайла хватило учтивости рассмеяться.

— Этот меч был из хорошей стали, могу вас заверить. Я буду рад ещё раз предложить его для службы кентавру. Сир Дункан, даже если вы решите не принимать участие в турнире, присоединяйтесь к нам ради свадебного пира. Там будут певцы и музыканты, жонглёры и акробаты, а еще труппа комических карликов.

Дунк нахмурился.

— Эгга и меня ждет дорога. Мы направляемся на север в Винтерфелл.

Лорд Берон Старк собирает мечи, чтобы отогнать кракенов от своих берегов раз и навсегда.

— Для меня там слишком холодно, — заметил сир Мейнард. — Если хотите убить кракенов, отправляйтесь на запад. Ланнистеры строят корабли, чтобы нанести ответный удар железнорождённым на их же собственных островах. Только так можно покончить с Дэйгоном Грейджоем. Драться с ним на земле бесполезно, он просто ускользнёт обратно в море. Надо побить его на воде.

В этом была доля правды, но перспектива драки с железнорождёнными на море не

прельщала Дунка. Он уже испробовал это на вкус на Белой Леди, когда плыл из Дорна в Старомест: тогда он надел доспехи, чтобы помочь экипажу отбиться от каких-то пиратов. Битва была отчаянной и кровавой, и как-то раз он чуть было не упал в воду. Это стало бы его концом.

— Трону стоит поучиться у Старков и Ланнистеров, — заявил сир Кайл Кот. — По крайней мере, они сражаются. Что делают Таргариены? Король Эйрис прячется в своих книгах, принц Рэйгел танцует голышом по залам Красного Замка, а принц Мэйкар затаился в Летнем Замке.

Эгг ткнул в пламя палкой и искры поплыли в ночной тьме. Дунк рад был видеть, что он проигнорировал упоминание имени отца. Возможно, он, наконец, выучился держать язык за зубами.

— Что касается меня, то я виню Кровавого Ворона, — продолжал сир Кайл. — Он Десница Короля и пока ещё не сделал ничего, в то время как кракены сеют пламя и ужас по всему закатному морю.

Сир Мейнард пожал плечами.

— Его глаза прикованы к Тирошу, где сидит в изгнании Злой Клинок и плетёт интриги вкупе с сыновьями Дэймона Чёрное Пламя. Потому-то Кровавый Ворон и держит

корабли под рукой, на случай, если заговорщики попробуют пересечь море.

— Айя, это вполне может случиться, — сказал сир Кайл, — И многие будут приветствовать возвращение Злого Клинка. Красный Ворон — причина всех наших бед, белый червь, разъедающий сердце королевства.

Дунк нахмурился, припомнив горбатого септона из Каменной Септы.

— Такие слова могут стоить человеку головы. Кое-кто скажет, что вы изменник.

— Как правда может быть изменой? — спросил Кайл Кот. — В

дни короля Дэйрона, человек не боялся высказать, что у него на уме, но не сейчас, так? — Он произвёл грубый звук. — Кровавый Ворон усадил короля Эйриса на Железный Трон, но надолго ли? Эйрис слаб, и когда он умрёт между Лордом Риверсом и принцем Мэйкаром разразится кровавая война за корону, Десница против наследника.

— Вы позабыли принца Рэйгела, друг мой, — мягко возразил сир Мейнард. — Следующий за Эйрисом он, а не Мэйкар, и его дети после него.

— Рэйгел слабоумный. Я не желаю ему ничего плохого, но он все равно что мёртвый, и эти его

близнецы тоже, они погибнут или от палицы Мэйкара или от колдовства Кровавого Ворона.

«Семеро, спасите нас», — успел подумать Дунк, прежде чем пронзительно и громко заговорил Эгг:

— Принц Мэйкар брат принцу Рэйгелу. Он крепко любит его. Он никогда не станет вредить ему или им.

— Потише, парень, — осадил Дунк. — Эти рыцари не хотят знать твоё мнение.

— Я могу говорить, если хочу.

— Нет, — сказал Дунк. — Не можешь.

«Этот твой язык в один

прекрасный день тебя погубит. И меня тоже, скорее всего».

— Думается, солонина достаточно отмокла. Нарезь всем нашим друзьям, да побыстрее.

Эгг покраснел, и на пол-удара сердца Дунк испугался, что тот начнет перечить. Вместо этого он ограничился сердитым взглядом, кипя так, как может кипеть только одиннадцатилетний мальчик.

— Айе, сир, — сказал он, вылавливая говядину со дна Дункова шлема. Его бритая голова окрасилась красным в свете костра, и он раздал солонину.

Дунк взял свой кусок и начал его теревить. Вымачивание превратило

мясо из дерева в кожу, только и всего. Он пососал с одного конца, почувствовал соль, и постарался не думать о хрустящем на вертеле и капающем жиром жареном кабане на постоялом дворе.

С наступлением сумерек мухи и жалящая мошкара роем налетели с озера. Мухи предпочли мучить лошадей, а вот комары принялись за людей. Единственным способом уберечься от укусов было держаться поближе к огню и дышать дымом. «Зажариться или быть сожранным, — подумал Дунк угрюмо. — Вот какой выбор у нищего». Он почесал укушенные руки и придвинулся поближе к огню.

Мех с вином опять пошёл по кругу. Вино было кислым и крепким. Дунк сделал большой глоток и передал мех, тем временем Кот Туманного Болота начал рассказ о том, как он спас жизнь лорду Горького Моста во время мятежа Блэкфайра.

— Когда пал знаменосец лорда Армонда, я спрыгнул со своего коня, а изменники окружали нас...

— Сир, — спросил Глендон Болл. — Кто были эти изменники?

— Я имел в виду людей Блэкфайра.

Свет пламени засверкал на стали в руке сира Глендона. Прыщи на его лице пылали, как открытые

раны, а каждая жила была натянута, как тетива арбалета.

— Мой отец сражался за Чёрного Дракона.

Опять это. Дунк недовольно фыркнул. Красный или Чёрный? Не та вещь, которую будешь спрашивать у мужчины. Это всегда ведёт к неприятностям.

— Я уверен, сир Кайл не хотел обидеть вашего отца.

— Ни в коей мере, — согласился сир Кайл. — Старая это история, Красный Дракон и Чёрный. Нам нет никакого смысла драться из-за неё теперь, юноша. Мы все тут братья межи.

Сир Глендон, казалось,

взвешивал слова Кота, чтобы понять, не насмеются ли над ним.

— Дэймон Блэкфайр, Чёрное Пламя, не был изменником. Старый король отдал ему меч. Он оценил достоинства Дэймона, пусть даже тот и был рождён бастардом. Есть ли иная причина, почему он отдал Чёрное Пламя^[3] в руки Дэймона, а не Дэйрона?

Повисла тишина. Дунк мог слышать тихое потрескивание костра. Он чувствовал, как комары ползут по его шее. Он пришлёпнул их, не сводя глаза с Эгга, желая лишь, чтобы тот сидел смирно.

— Я был мальчишкой, когда они сражались на Краснотравном

Поле, — сказал он, когда стало понятно, что никто другой говорить не будет, — но я был оруженосцем у рыцаря, который дрался за Красного Дракона, а позже я состоял на службе у того, кто дрался за Чёрного.

[4] За ту и другую сторону сражались храбрые люди.

— Храбрые люди, — вяло подтвердил Кайл Кот.

— Герои, — Сир Глендон Болл повернул свой щит так, что все смогли рассмотреть нарисованный на нем знак — красно-жёлтый огненный шар, фэйрболл, пролетал по чёрному полю. — Я от крови героя.

— Ты сын Фэйрболла, — сказал

Эгг. Они в первый раз увидели, как сир Глендон улыбается.

Сир Кайл Кот внимательно изучал парня.

— Как это может быть? Сколько тебе лет? Квентин Болл умер...

— ... до моего рождения, — закончил за него сир Глендон, — но во мне он возродился. — Он швырнул свой меч обратно в ножны. — Я это покажу вам всем в Белостенном Замке, когда завоюю яйцо дракона.

* * *

На	следующий	правота
пророчества	сира	Кайла

подтвердилась.

Паром Неда и в половину не был достаточно большим, чтобы вместить всех желающих переправиться, потому лорд Костейн, лорд Шони и их люди должны были идти первыми. На это потребовалось несколько заходов, каждый длился более часа, ибо приходилось бороться с отмелями, к переправе нужно было подогнать лошадей и повозки, загрузить на паром и разгрузить на другой стороне озера. Два лорда замедлили дело ещё больше тем, что завели громкий спор о том, кто должен переправляться первым. Шони был старше, а Костейн считал себя более

высокорождѣнным.

Дунку ничего не оставалось, как ждать, изнемогая от зноя.

— Мы могли бы пройти первыми, если бы вы позволили мне использовать мой сапог, — сказал Эгг.

— Могли, — ответил Дунк, — но не будем. Лорд Костейн и лорд Шони были тут раньше нас. Кроме того, они лорды.

Эгг соорудил мину.

— Мятежные лорды.

Дунк хмуро посмотрел в его сторону.

— Что ты имеешь в виду?

— Они были за Чѣрного Дракона. Вернее, лорд Шони и отец

лорда Костейна. Эймон и я разыгрывали битву на зелёном столе мастера Мелаквина, раскрашенными солдатиками и маленькими знамёнами. Знак Костейна — серебряная чаша на чёрном с чёрной розой на золоте. Это знамя было слева от позиции Дэймона. Шони был со Злым Клинком, справа, он тогда почти что умер от ран.

— Старая мёртвая история. Они здесь, не так ли? Выходит они преклонили колено, и король Дэйрон даровал им помилование.

— Да, но...

Дунк защемил парню губы.

— Попридержи свой язык.

Эгг придержал язык.

Как только отправился паром с последними людьми Шони, на берегу появились лорд и леди Смоллвуд со своими людьми, так что Дунку и Эггу опять пришлось ждать.

Братство межи не пережило ночи, это было видно невооружённым глазом. Сир Глендон держался особняком, раздражённый и обиженный. Кайл Кот рассчитал, что им позволят взойти на паром не раньше середины дня, так что он отделился от остальных и обхаживал лорда Смоллвуда, с которым был слегка знаком. Сир Мейнард проводил время, перешёптываясь с хозяйкой постоянного двора.

— Держись от него подальше, — предупредил Эгга Дунк. Было что-то в этом Пламме, что вызывало беспокойство. — Он вполне может оказаться рыцарем-разбойником, мы же ничего о нём толком не знаем.

Предупреждение, похоже, сделало сира Мейнарда лишь интересней в глазах Эгга.

— Никогда не был знаком с рыцарями-разбойниками. Думаете, он попробует украсть драконье яйцо?

— Уверен, что лорд Баттервелл хорошо его охраняет. — Дунк почесал комариный укус на шее. — Считаешь, его покажут во время пира? Хотелось бы мне его увидеть.

— Я б показал вам моё, сир, да

оно в Летнем Замке.

— Твоё? Твоё драконье яйцо? —
Дунк нахмурился, решив, что
мальчик его разыгрывает. — Откуда
оно у тебя взялось?

— От дракона, сир. Его
положили в мою колыбель.

— В ухо не хочешь? Драконов
больше нет.

— Нет, но есть яйца. Последний
дракон оставил кладку из пяти, и
много других хранится на Драконьем
Камне, старых, ещё до Танца^[5]
полученных. У всех моих братьев они
тоже есть. Эйроново выглядит будто
сделано из золото и серебра, с
огненными прожилками бегущими
по нёму. Моё — зелёное и белое, и

всё переливается.

— Твоё драконье яйцо.

Его положили к нему в колыбель. Дунк так привык к Эггу, что порой забывал, что Эйгон был принцем. Конечно же, они положили яйцо дракона в его колыбель.

— Что ж, смотри не упомяни это яйцо, когда кто-нибудь может услышать.

— Я не глупец, сир, — Эгг понизил голос. — Однажды драконы вернутся. Моему брату Дэйрону это приснилось, а король Эйрис прочёл об этом пророчество. Может из моего яйца он и вылупится. Это будет потрясающе.

— Будет ли? — у Дунка были

сомнения.

Но не у Эгга.

— Мы с Эймоном порой представляли, как из наших яиц вылупятся драконы. Тогда бы мы летали по небу на драконьих спинах, как первый Эйгон и его сёстры.

— Айе, а если все рыцари королевства умрут, я стану лордом-командующим Королевской Гвардии. Если это яйцо такое невероятно ценное, почему лорд Баттервелл готов с ним расстаться?

— Чтобы показать всему королевству, как он богат?

— Допустим.

Дунк опять почесал свою шею и бросил взгляд на сира Глендона

Болла, который затягивал подпруги своего седла в ожидании переправы. Эта лошадь никуда не годится. Конь сира Глендона был клячей с провисшей спиной, маленькой и старой.

— Что ты знаешь о его предке? Почему его звали Файрболлом?

— За его горячую голову и рыжие волосы. Сир Квентин Болл был мастером-над-оружием Красного замка. Он научил моего отца и дядей как надо сражаться. Великих Бастардов тоже. Король Эйгон пообещал ввести его в Королевскую Гвардию, и Файрболл заставил свою жену присоединиться к молчаливым сёстрам, только вот к

тому времени как место освободилось, король Эйгон был уже мёртв, а король Дэйрон назвал имя Вильяма Уайлда. Мой отец говорил, что уговоры Файрболла не в меньшей степени, чем Злого Клинка убедили Дэймона Блэкфайра потребовать корону, и он спас Блэкфайра, когда Дэйрон отправил Королевскую Гвардию его арестовать. Позже, Файрболл убил лорда Леффорда у ворот Ланниспорта и заставил Седого Льва бежать и прятаться в Утёсе. При переправе Мандера он убил семерых сыновей леди Пенроуз одного за другим. Говорят, он пощадил младшего ради его матери.

— Это было весьма благородно с

его стороны, — вынужден был признать Дунк. — Сир Квентин Болл умер на Краснотравном Поле?

— До того, сир, — ответил Эгг. — Лучник засадил стрелу ему в горло, когда он спешился напиться у ручья. Какой-то простолюдин, никто не знает, кто это был.

— Эти простолюдины становятся очень опасны, когда им взбредёт в голову начать убивать лордов и героев. — Дунк заметил паром, медленно ползущий через озеро. — Ну вот и он.

— Медленный же он. Мы направляемся в Белостенный Замок, сир?

— Почему бы и нет? Я хочу

посмотреть на это драконье яйцо. — Дунк улыбнулся. — Если я одержу победу в турнире, у нас обоих будет по драконьему яйцу.

Эгг посмотрел на него с сомнением.

— Что? Что это ты на меня так смотришь?

— Я мог бы сказать, сир, — с серьёзным видом сказал Эгг, — но я должен выучиться держать язык за зубами.

* * *

Межевых рыцарей посадили гораздо ниже соли, намного ближе к

дверям, чем к помосту.^[6]
Белостенный Замок был почти новым, насколько таковым может быть замок, возведённый около сорока лет назад дедом нынешнего лорда. В народе его звали Молочницей за его стены, форты и башни, которые были выстроены из превосходного белого камня, добытого в Долине и доставленного через горы с большими затратами. Внутри были полы и колонны из молочно-белого мрамора, испещрённого золотом, стропила над головой были выструганы из костно-белых стволов чардрев. Дунк и представить не мог, сколько всё это стоило.

Хотя зал был не так велик, как некоторые другие, где ему довелось побывать. *«По крайней мере, нас пустили под крышу»*, — подумал Дунк, занимая своё место на скамье между сиром Мейнардом Пламмом и Кайлом Котом. Хотя их и не было среди приглашенных, все трое были допущены в замок довольно быстро — отказ межевому рыцарю в гостеприимстве в день свадьбы приносил несчастье.

Молодому сиру Глендону пришлось, однако, труднее. Дунк слышал, как стюард лорда Баттервелла громко говорил ему:

— У Файрболла никогда не было сына.

Юноша горячо возражал, и имя сира Моргана Данстэйбла было упомянуто несколько раз, но стюард оставался непреклонен. Когда сир Глендон прикоснулся к рукоятке своего меча, появилась дюжина стражников с пиками в руках и на какой-то миг показалось, что сейчас произойдёт кровопролитие. Лишь вмешательство высокого светловолосого рыцаря по имени Кирби Пимм спасло положение. Дунк был слишком далеко, чтобы расслышать, но он видел, как Пимм обхватил рукой стюарда за плечи и, смеясь, что-то прошептал тому на ухо. Стюард нахмурился и сказал сиру Глендону что-то, заставившее

парня покраснеть. *«Он выглядит так, будто сейчас расплачется, —* подумал Дунк, *продолжая наблюдать. — Или убьёт кого-то».* После всего этого молодой рыцарь наконец-то был допущен в зал замка.

Бедный Эгг был не столь удачлив.

— Большой зал для лордов и рыцарей, — надменно сообщил им помощник стюарда, когда Дунк пытался провести мальчика внутрь. — Мы поставили столы во внутреннем дворе для оруженосцев, конюхов и солдат.

«Если бы вы хотя бы подозревали кто он, вы бы усадили его на помосте на трон с

подушками». Вид других оруженосцев Дунку пришлось не по душе. Там было несколько парней возраста Эгга, но большей частью это были старые бывалые воины, которые много лет назад приняли решение служить рыцарям, а не быть ими. *«А был ли у них выбор?»* От рыцаря требуется не только благородство и умение обращаться с оружием, ещё требуется лошадь и меч, и доспехи, и всё это стоит очень дорого.

— Держи язык за зубами, — сказал он Эггу прежде, чем оставить его в этой компании. — Это взрослые мужчины, они не будут терпеть твою дерзость. Сиди, ешь и

слушай, может, научишься чему.

Ну а Дунк был весьма рад находиться подальше от жаркого солнца, с кубком вина в руках и шансом набить своё брюхо. Даже межевой устаёт жевать каждый кусок пищи по полчаса. Здесь, ниже соли, пища была по большей части простой, но её было вдоволь. Ниже соли было вполне достаточно для Дунка.

Но, как говорил старик, то, что для крестьянина честь, для лорда позор.

— Это не надлежащее для меня место, — горячо возражал сир Глендон помощнику стюарда. Для пира он надел чистый дублет,

красивое старое одеяние с золотыми нитями на рукавах и воротнике с красным стропилом и белыми полосами дома Боллов, вышитыми на груди. — Вы знаете, кто был мой отец?

— Достойный рыцарь и могучий лорд, не сомневаюсь в этом, — сказал помощник. — Но то же самое можно сказать о многих здесь. Пожалуйста, займите своё место или уходите, сир. Мне всё равно.

В конце концов парень занял своё место ниже соли вместе со всеми остальными, вид у него был мрачен. Длинный белый зал заполнялся по мере того, как всё

больше рыцарей занимали свои места на скамьях. Толпа была больше, чем Дунк ожидал, и было заметно, что многие гости проделали долгий путь. Он и Эгг не видели так много лордов и рыцарей со времени Эшфорского Луга, и невозможно было представить, кто появится следующим. *«Нам надо было держаться подальше отсюда, ехать своей дорогой, спать под деревьями. Если меня узнают...»*

Когда слуга положил буханку чёрного хлеба перед каждым из них, Дунк был благодарен, что его размышления прервали. Он разрезал буханку по длине, положил нижнюю половину на поднос и съел верхнюю.

Хлеб был чёрствым, но в сравнении с солониной мог показаться заварным кремом. По крайней мере, его не надо было отмачивать в эле, молоке, или воде, чтобы сделать достаточно мягким для жевания.

— Сир Дункан, вы похоже привлекли к себе внимание, — Сир Мейнард Пламм рассматривал лорда Вирвела и его свиту шествующих к почётному месту на другом конце зала. — Эти девушки на помосте не могут отвести от вас глаз. Готов поспорить они никогда не видели такого большого мужчину. Даже сидя, вы на пол головы выше, чем любой человек в этом зале.

Дунк пожал плечами. Он

привык, что на него пялились, но это не значило, что ему это нравилось.

— Пусть смотрят.

— Это Старый Бык, вон там, возле помоста, — сказал сир Мейнард. — Его называют большим мужчиной, но сдаётся мне самая большая часть тела у него — это живот. Вы просто гигант по сравнению с ним.

— Точно так, сир, — сказал другой их компаньон по скамье, угрюмый человек с землистым цветом лица одетый в серое и зелёное. У него были маленькие проницательные глаза, близко сидящие под тонкими дугообразными бровями. Аккуратная

чёрная борода обрамляла его рот, компенсируя редеющие волосы:

— В такой компании как эта, один ваш рост сделает вас одним из наиболее опасных участников.

— Я слышал Зверь Бракен^[7] может приехать, — сказал другой мужчина, сидящий дальше по скамье.

— Думаю, что нет, — сказал мужчина в сером и зелёном. — Это ведь небольшой турнир в чести свадьбы его лордства. Схватка во дворе, чтобы отметить схватку на простынях. Слишком мелкий повод, чтобы такой человек как Отто Бракен стал беспокоиться.

Сир Кайл выпил глоток вина.

— Готов поспорить лорд

Баттервелл не выедет на поле тоже. Он будет подбадривать своего чемпиона из лордской ложи в тенёчке.

— Тогда он увидит, как его чемпион падёт, — похвастался сир Глендон

Болл — А затем вручит яйцо мне.

— Сир Глендон сын Файрболла, — объяснил сир Кайл новому знакомцу. — Окажете ли вы нам честь, сообщив ваше имя, сир?

— Сир Ютор Андерлиф. [\[8\]](#) Не являюсь сыном кого-либо важного. — Одежда Андерлифа была из хорошей ткани, чистая и ухоженная, но простого покроя.

Серебряная застёжка в виде улитки закрепляла его плащ.

— Если ваше копье равно вашему языку, сир Глендон, вы сможете соперничать даже с этим большим парнем.

Сир Глендон бросил взгляд на Дунка, пока разливали вино.

— Если мы встретимся, он упадёт. И меня не волнует насколько он большой.

Дунк смотрел на слугу, наполняющего его кубок.

— Я лучше с мечом, чем с копьем, — признал он. — А ещё лучше с боевым топором. Не будет ли общей схватки?

Его размеры и сила дали бы ему

большое преимущество в общей схватке. И он знал, что там он мог лупить со всей силы. Другое дело схватка на копьях.

— Общая схватка на свадьбе? — сир Кайл выглядел потрясённым. — Это было бы непристойно.

Сир Мейнард рассмеялся.

— Брак это схватка, каждый женатый мужчина вам это скажет.

Сир Ютор хохотнул.

— Боюсь, здесь будет лишь турнир на копьях, но кроме яйца дракона лорд Баттервелл обещал тридцать золотых драконов проигравшему в последней схватке и по десять рыцарям, выбывшим в предыдущем раунде.

Десять драконов это совсем неплохо. На десять драконов можно купить верховую лошадь, тогда не надо будет осторожничать с Громом в битвах. На десять драконов можно купить броню для Эгга и достойный рыцарский шатёр с вышитыми на нём Дунковыми вязом и падающей звездой. Десять драконов означают тушёного гуся и ветчину, и пирог с голубем.

— Тем, кто победит в своих схватках ещё и выкупы достанутся, — говорил сир Ютор, опустошая свой поднос. — И я слышал, некоторые делают ставки на исходы поединков. Сам лорд Баттервелл не любитель риска, но

среди его гостей есть заядлые игроки.

Не успел он закончить, как с галереи менестрелей запели трубы, возвестив о появлении Амброза Баттервелла. Дунк, как и все остальные, вскочил на ноги, пока Баттервелл рука об руку вёл свою новую невесту по узорчатому Мееринскому ковру к помосту. Девушка была пятнадцати лет и только что расцвела, её лорду мужу было пятьдесят лет, и он только что овдовел. Она была румяной, он был серым. Плащ невесты, раскрашенный в зелёную, белую и жёлтую полосы, волочился за ней. Он выглядел таким тяжёлым и жарким, что Дунк

поразился, как ей хватает сил носить такое. Лорд Баттервелл, с обвисшими щеками и редкими льняными волосами, тоже выглядел тяжелым и жарким.

Отец невесты вышагивал прямо позади неё, держа за руку своего маленького сына. Лорд Фрей, лорд Переправы, был тощим мужчиной, выглядевшим элегантно в голубом и сером; у его четырёхлетнего наследника, который, казалось, вообще не имел подбородка, из носа текли сопли. Следом шли Лорд Костейн и Рисли, со своими леди-жёнами, дочерьми лорда Баттервелла от первой жены. За ними — дочери лорда Фрея со своими мужьями. За

ними — лорд Гормон Пик, лорды Смоллвуд и Шони и множество лордов помельче и владетельных рыцарей. Среди них Дунк углядел Джона Скрипача и Эйлина Кокшо. Лорд Эйлин выглядел уже подвыпившим, хотя официально пир ещё не начинался.

К тому времени как все взошли на помост, высокий стол был также переполнен, как и скамьи. Лорд Баттервелл и его невеста сели на усыпанный пухлыми пушистыми подушками двойной трон из позолоченного дуба.

Остальные разместились в высоких креслах с причудливыми резными ручками. На стене позади

них с потолка свисали два знамени: башни близнецы Фреев, голубые на сером, и зелёно-бело-жёлтый триколор Баттервеллов.

На лорда Фрея была возложена обязанность вести тосты.

— За короля! — просто начал он.

Сир Глендон протянул свой кубок над миской с водой. Дунк чокнулся с ним, с сиром Ютором и с остальными. Они выпили.

— За лорда Баттервелла, нашего любезного хозяина, — провозгласил Фрей следующий тост. — Пусть Отец дарует ему долгую жизнь и много сыновей.

Они опять выпили.

— За леди Баттервелл, девственную невесту. Да благословит Мать её ребёнком. — Фрей улыбнулся дочери. — Я хочу внука ещё до исхода года. Близнецы подойдут мне ещё больше, так что взбивай масло хорошенько^[9] этой ночью, моя радость.

Смех собравшихся взлетел до потолка, и гости выпили ещё по одной. Красное вино было крепким и сладким.

Затем лорд Фрей сказал:

— За Королевского Десницу Бриндена Риверса. Пусть свет лампы Старицы осветит его путь к мудрости.

Он высоко поднял свой кубок и

выпил вместе с Лордом Баттервеллом, его невестой и остальными на помосте. А ниже соли сир Глендон перевернул свой кубок и вылил его содержимое на пол.

— Напрасная трата доброго вина, — заметил Мейнард Пламм.

— Я не пью за братоубийц, — сказал сир Глендон. — Лорд Бладрэйвен колдун и бастард.

— Рождён бастардом, — мягко возразил сир Ютор. — Но король, его отец, признал его перед смертью.

И он потянул из кубка, а за ним сир Мейнард и многие другие в зале. Но многие опустили свои кубки или даже перевернули их, как это сделал

Болл. Кубок в руке Дунка внезапно потяжелел. Сколько глаз у Лорда Кровавого Ворона, вопрошала загадка. *«Тысяча и один».*

Тост следовал за тостом, некоторые провозглашал лорд Фрей, некоторые — другие. Выпили за юного Лорда Талли, сюзерена Лорда Баттервелла, который просил извинить его за отсутствие на свадьбе. Выпили за здоровье Лио Длинного Шипа, Лорда Хайгардена, который, по слухам, болел. Выпили за память доблестно павших. *«Айе, — подумал Дунк, припоминая, — я с радостью выпью за них».*

Сир Джон Скрипач провозгласил последний тост.

— За моих храбрых братьев! Я знаю, что этой ночью они улыбаются.

Дунк не собирался пить так много, ведь утром его ждал турнир, но кубки наполнялись после каждого тоста, и он внезапно почувствовал жажду. *«Никогда не отказывайся от кубка вина или рога эля, — однажды сказал ему сир Арлан. — Может пройти год, прежде чем ты увидишь другой».* Было бы неучтиво не выпить за жениха и невесту, и опасно не пить за короля и его Десницу, когда вокруг столько незнакомцев.

К счастью, тост Скрипача был последним. Лорд Баттервелл с трудом поднялся, поблагодарил всех

присутствующих и обещал хороший турнир поутру.

— Начнём же пир!

На высокий стол подали молочного поросёнка, зажаренного в перьях павлина, и огромную щуку, покрытую тёртым миндалем. Ни единый кусочек из этого не опустился ниже соли. Вместо поросёнка им досталась солёная свинина, вымоченная в миндальном молоке и хорошо поперченная. Вместо павлина были каплуны, коричневые и хрустящие, наштигованные луком, травами, грибами и жареными каштанами. Вместо щуки они ели расслаивающиеся ломти белой

трески, запечённой в тесте с каким-то вкусным коричневым соусом, который Дунк не мог распознать. Кроме того на столе была гороховая каша, репа с маслом, морковь, залитая мёдом, и полежавший белый сыр, который пах так же сильно, как Беннис из Коричневого Щита.[\[10\]](#) Дунк ел вволю, но всё время переживал, досталось ли что-нибудь Эггу во дворе. На всякий случай он тайком положил полкаплуна, несколько ломтей хлеба и маленький кусок пахучего сыра в карман своего плаща.

Пока они ели, свирели и скрипки наполняли воздух волшебными мелодиями, а разговор

сам собой вернулся к утреннему турниру.

— Сир Фрэнклин Фрей весьма почитается на Зелёном Зубце, — сказал Ютор Андерлиф, который, похоже, очень хорошо знал местных героев. — Вон он на помосте, дядя невесты. Люкаса Нэйланда из Ведьминого Болота, тоже нельзя сбрасывать со счетов, а также сира Мортимера Боггса из Треснутого Когтя. В остальном это будет турнир домашних рыцарей и деревенских героев. Кирби Пимм и Гэлтри Зелёный лучшие из них, хотя ни один из них не сравнится с зятем лорда Баттервелла, Чёрным Томом Хеддлем. Мерзкий человек, доложу я

вам. Говорят, он завоевал руку старшей дочери Его Светлости, убив трёх других поклонников, а однажды он выбил из седла Лорда Кастерли Рок.

— Что? Молодого Лорда Тиболта? — спросил Сир Мейнард.

— Нет, старого Седого Льва, того что умер по весне. — Так люди говорили об умерших во время Великой Весенней Хвори. Он умер по весне. Десятки тысяч умерли, включая короля и двух молодых принцев.

— Не забудьте и Сира Бьюфорда Балвера, — сказал Кайл Кот. — Старый Бык зарезал сорок человек на Краснотравном Поле.

— И их число увеличивается с каждым годом, — сказал Сир Мейнард. — Дни Балвера прошли. Посмотрите на него — за шестьдесят, толстый и рыхлый, а его правый глаз считай, что слеп.

— Не утруждайте себя поисками чемпиона в этом зале, — произнёс голос за спиной у Дунка. — Вот он я, сиры. Насладите свой взор.

Дунк повернулся и обнаружил Джона Скрипача стоящего позади него с полуулыбкой на губах. У его белого дублета были даговые, отделанные красным атласом рукава, [\[11\]](#) их кончики свисали ниже колен. Тяжёлая серебряная цепь висела у Скрипача на груди, с вставленными в

неё огромными тёмными аметистами, цвет которых сочетался с его глазами. *«Эта цепь стоит как всё, что у меня есть».*

Щёки сира Глендона покраснели от вина, а прыщи пылали.

— Ты кто такой, чтобы так хвастать?

— Меня прозвали Джон Скрипач.

— Ты музыкант или воин?

— Я могу создать сладкую мелодию и копьём и смычком, такое уже случилось. Каждой свадьбе требуется певец, а каждому турниру таинственный рыцарь. Могу я к вам присоединиться? Баттервелл был

настолько любезен, что посадил меня на помост, но я предпочитаю компанию моих братьев межевых рыцарей окружению жирных розовых леди и стариков. — Скрипач хлопнул Дунка по плечу. — Будьте хорошим братом и подвиньтесь, Сир Дункан.

Дунк подвинулся.

— Поздновато вы для еды, сир.

— Ерунда. Я знаю, где у Баттервелла кухня. Надеюсь, вино ещё осталось?

Скрипач пах апельсинами и лаймами, с налётом какой-то незнакомой восточной приправы. Может быть, мускатный орех. Дунк не мог сказать определённо. Что он

знал о мускатных орехах?

— Ваше хвастовство непристойно, — сказал Сир Глендон Скрипачу.

— Правда? Тогда я должен молить вас о прощении. У меня и в мыслях не было обидеть сына Файрболла.

Это немного сбило боевой настрой юноши.

— Вы знаете кто я?

— Сын своего отца, смею надеяться.

— Смотрите, — сказал Сир Кайл Кот, — свадебный пирог.

Шесть поварят втолкнули в зал широкий стол на колёсах. Пирог был коричневого цвета необъятный с

корочкой, и из него слышались звуки — пiski, верещание и глухие удары. Лорд и Леди Баттервелл с мечом в руках, спустились с помоста ему навстречу. Как только они его надрезали, полсотни птиц выпорхнули наружу и заметались по залу. На других свадебных пирах, где доводилось бывать Дунку, пироги были наполнены лишь дикими голубями или певчими пташками, а здесь были голубые сойки и жаворонки, голуби домашние и дикие, пересмешники и соловьи, маленькие коричневые воробьи и большие красные попугаи.

— Один-и-двадцать видов птиц, — заметил Сир Кайл.

— Один-и-двадцать видов птичьего помёта, — сказал Сир Мейнард.

— У вас в сердце нет поэзии, сир.

— А у вас дерьмо на плече.

— Так и надлежит наполнять свадебный пирог, — сопел Сир Кайл, очищая свою тунику. — Этот пирог символизирует брак, а настоящий брак включает в себя множество вещей — радость и печаль, боль и наслаждение, любовь и страсть, и верность. Так что множество видов птиц весьма уместно. Ни один мужчина не знает, что новая жена принесёт ему.

— Свою щель, — сказал

Пламм, — иначе какой во всём этом смысл?

Дунк вылез из-за стола.

— Мне надо подышать воздухом. — Говоря откровенно, ему надо было помочиться, но в такой изысканной компании учтивей было отпроситься на воздух. — Молю извинить меня.

— Возвращайтесь поскорее, сир, — сказал Скрипач. — Вот-вот начнут выступать жонглёры, и вы уж точно не захотите пропустить постельный ход.

Снаружи ночной ветер хлестнул Дунка, словно язык гигантского зверя. Хорошо утоптанная земля, казалось, двигалась у него под

ногами... а, может, это он качался.

Арена была установлена в центре наружного двора. Трехъярусные деревянные трибуны были возведены вдоль стены, чтобы Лорд Баттервелл и его высокие гости были хорошо укрыты от солнца на своих мягких сидениях. На каждом конце арены находились шатры, где рыцари могли облачиться в свои доспехи, а у входа в шатры поместили стойки с турнирными копьями. Когда ветер на миг заставил взмыть знамёна, Дунк уловил запах побелки на разделительном барьере. Он отправился искать внутренний двор. Он должен отловить Эгга и отправить мальчика к распорядителю

игр, чтобы тот включил его в список участников. Таковы обязанности оруженосца.

Белостенный Замок был ему незнаком, и вскоре Дунк куда-то не туда забрёл. Он обнаружил, что стоит возле псарни, когда почуявшие его запах собаки начали лаять и выть. *«Они хотят вырвать мне глотку, — подумал он. — А может им хочется каплуна в моём плаще»*. Он прошёл вдвое большее расстояние в обратную сторону и миновал септу. Мимо, задыхаясь от смеха, пробежала женщина, какой-то лысый рыцарь пытался её преследовать. Мужчина постоянно падал, так что женщине пришлось вернуться и

помочь ему. «Мне стоило бы зайти в септу и помолиться Семерым о том, чтобы они сделали этого рыцаря завтра моим первым соперником», — подумал Дунк, но это было бы нечестиво. «Что мне на самом деле нужно, так это помочиться, а не помолиться». Он обнаружил заросли кустов невдалеке под бледной каменной лестницей. Это подойдёт. Он на ощупь пробрался в центр зарослей и расшнуровал штаны. Его мочевого пузырь был переполнен, и казалось, что струя никогда не закончится.

Где-то наверху открылась дверь. Дунк услышал шаги по ступеням и шкрябанье сапог по камню.

— ...плутовской пир
представили вы нам. Без Злого
Клинка...

— Злого Клинка мы поймеем, —
настаивал знакомый голос. —
Бастардам нельзя доверять, даже ему.
Несколько побед быстренько
перенесут его через воду.

Лорд Пик. Дунк задержал
дыхание... и струю.

— Легче болтать о победах, чем
одерживать их. — У этого
говорившего голос был пониже, чем у
Пика, рокочущий бас с ноткой
раздражения. — Старик
Молококровный ожидал, что у парня
он будет, и остальные тоже.
Беззаботные слова и шарм этого не

заменят.

— А дракон сможет. Принц настаивает, что он проклюнется из этого яйца. Ему это приснилось, так же как когда-то приснилась смерть его братьев. Живой дракон принесёт нам любые мечи, которые мы пожелаем.

— Дракон — одно дело, а сны — другое. Уверяю вас, что Кровавый Ворон-то не спит. Нам нужен воин, а не сновидец. Сын ли своего отца этот мальчик?

— Исполните свою часть дела, как обещали, и позвольте мне беспокоиться об этом. Как только мы заполучим золото Баттервеллов и мечи Фреев, к нам присоединится

Харренхолл, а затем и Бракены. Отто знает, что у него нет надежды устоять...

Голоса затихали по мере того, как говорившие удалялись. Дунк опять пустил струю, затем встряхнул член и зашнуровал штаны.

— Сын своего отца, — пробормотал он. О ком они говорили? О сыне Файрболла?

К тому времени, как он выбрался из-под лестницы, два лорда были уже на другом конце двора. Он чуть было не закричал им вслед, в надежде увидеть их лица, но решил всё же этого не делать. Он был один и безоружен, к тому же наполовину пьян. Может быть больше, чем

наполовину. Он немного постоял нахмурившись, а затем отправился обратно в зал.

Внутри уже подали последнюю перемену блюд, и началось веселье. Одна из дочерей Лорда Фрея очень дурно играла на большой арфе «Два сердца бьются как одно». Жонглёры метали друг в друга горящие факелы, а акробаты кувыркались в воздухе. Племянник лорда Фрея затянул «Медведь и Прекрасная Дева», и Сир Кирби Пимм стал отбивать такт деревянной ложкой по столу. Им стали подпевать и вскоре весь зал ревел:

Жил-был

медведь,

косолапый и бурый!

Страшный, большой и с
мохнатою шкурой!..

С лицом в луже вина Лорд
Кэсвелл уснул за столом, а Леди
Вирвел принялась рыдать, хотя никто
так и не понял, что её так
расстроило.

Вино продолжало течь рекой.
Забористое красное арборское
уступило место местным сортам, по
крайней мере, так заявил Скрипач;

Дунк, честно говоря, не ощутил
разницы. Подали пряное вино, и он
решил, что должен пропустить один
кубок. Может пройти год, прежде

чем я попробую другой. Другие
межевые рыцари — все славные
ребята — завели разговор о
женщинах, которых они познали.
Дунк стал воображать, чем этой
ночью занимается Танселль. Он знал,
где пребывает Леди Роанна — в
постели Замка Холодного Рва, а
старый Сир Юстас лежит подле неё
и храпит в усы — потому о ней он
старался не думать.

*«Вспоминают ли они меня хоть
иногда?»* — подумалось ему.

Его меланхолические
размышления были грубо прерваны
трупной разрисованных карликов,
которые внезапно выскочили из
брюха деревянной свиньи на

колёсиках и начали гоняться вокруг столов за шутами Лорда Баттервелла, лупя их надутыми свиными пузырями, которые производили неприличные звуки при каждом ударе. Это была самая смешная вещь, которую Дунк видел в своей жизни, и он смеялся до упаду вместе со всеми остальными. Сыну Лорда Фрея так понравилось представление, что он присоединился к нему и стал избивать гостей пузырьём, одолженным у карлика. Ребёнок обладал самым отвратительным смехом, который Дунк когда-либо слышал, это пронзительное икающее повизгивание раздражало настолько, что Дунку захотелось перекинуть

мальчишку через колено или швырнуть в какой-нибудь колодец. Если он ударит меня, я возможно так и поступлю.

— А вот и малец, который сотворил эту свадьбу, — сказал Сир Мейнард, когда безбородый сорванец пробежал мимо.

— Как так? — Скрипач поднял пустой кубок и подбежавший слуга наполнил его.

Сир Мейнард бросил взгляд на помост, где невеста кормила вишнями своего мужа.

— Его светлость не будет первым, кто намажет маслом это печенье. Говорят, его невеста была пропорота поварёнком в Близнецах.

Она встречалась с ним тайком на кухне, пока, однажды ночью, её братишка не проследил за ней. Когда он увидел их, превратившихся в зверя с двумя спинами, он испустил такой вопль, что примчались повара и стражники и обнаружили миледи и её кастрюльного мальчика, совокупляющимися на мраморной плите, на которой повар обычно месил тесто. Оба голые, как в день наречения, и покрыты мукой с ног до головы.

«Этого не может быть, — подумал Дунк. — Лорд Баттервелл владеет обширными землями и его казна полна жёлтого золота. Зачем ему жениться на девушке, которую

уже запачкал кухонный мальчишка, да ещё отдавать драконье яйцо, отмечая это? Фрей из Переправы не знатнее Баттервеллов. Они владеют мостом вместо коров, вот и вся разница. Лорды. Кто может их понять?» Дунк бросил в рот пару орехов и ещё раз задумался о том, что он подслушал, пока мочился. Дунк-пьяница, что же ты слышал? Он выпил ещё один кубокпряного вина, ибо первый пришёлся ему по вкусу. Затем он положил голову на сложенные руки и прикрыл глаза, всего лишь на одно мгновение, чтобы они отдохнули от дыма.

Когда он их открыл, половина гостей была на ногах и орала: «В постель! В постель!» Они производили такой рёв, что пробудили Дунка от сладких грёз об Тансель Слишком Высокой и Красной Вдове. «В постель! В постель!» — ворвалось в его сон, и Дунк сел и протёр глаза.

Сир Фрэнклин Фрей, держа невесту в руках, шёл по проходу, а мужчины и мальчишки толпились вокруг него. Леди за высоким столом окружили Лорда Баттервелла. Леди Вирвел, оправившаяся от своего горя, пыталась стянуть Его Светлость с кресла, в то время как одна из его дочерей расшнуровывала его сапоги,

а какая-то женщина из Фреев срывала с него тунику. Баттервелл, смеясь, слабо отбивался от них. «Он пьян», — подумал Дунк, а сир Фрэнклин был гораздо пьянее... настолько пьян, что он почти уронил невесту. До того как Дунк успел понять, что происходит, Джон Скрипач заставил его подняться.

— Сюда! — прокричал он. — Пусть великан понесёт её!

Когда он пришёл в себя, оказалось, что он уже взбирается по башенной лестнице с невестой, извивающейся в его руках. Как он умудрялся держаться на ногах, было выше его понимания. Девушка и не думала лежать спокойно, а

окружившие их со всех сторон мужчины, стягивали с невесты одежду и отпускали сальные шуточки о посыпании мукой и взбивании теста. Карлики тоже не заставили себя ждать, они мельтешили вокруг ног Дунка, кричали, смеялись и лупили его своими пузырями по икрам. Всё, что он мог сделать — это стараться не перелететь через них.

Дунк понятия не имел, как найти спальню Лорда Баттервелла, но другие мужчины толкали и пихали его, пока он, наконец, не попал туда. Хихикающая, раскрасневшаяся невеста к тому времени была уже практически голой, если не считать чулка на

левой ноге, который каким-то чудом пережил восхождение. Дунк тоже был покрыт румянцем и вовсе не от физических усилий. Его возбуждение было легко заметить, но, к счастью, все смотрели только на невесту. Леди Баттервелл была ничем не похожа на Тансель, но одна извивающаяся красotka в его руках навела его на мысли о другой. *«Тансель — Слишком Высокая было её имя, но она не была слишком высокой для меня».* Он засомневался, встретит ли он её ещё раз. Были ночи, когда ему казалось, что он её выдумал. *«Нет, балда, ты лишь выдумал, что ты ей нравился».*

Спальня Лорда Баттервелла оказалось большой и богато

обставленной. Мееринские ковры покрывали пол, сотня ароматических свечей горели в углах и нишах, а набор блюд, изукрашенных золотом и драгоценными камнями, стоял у двери. Была даже отдельная уборная в алькове наружной стены.

Когда Дунк уронил невесту на брачное ложе, карлик запрыгнул к ней и ухватил за грудь. Девушка испустила вопль, мужчины зашлись в хохоте, а Дунк схватил карлика за воротник и оттащил от леди. Он нёс маленького человечка через комнату, намереваясь выкинуть за дверь, и тут он увидел яйцо дракона.

Лорд Баттервелл поместил его на чёрной вельветовой подушке на

вершину мраморного постамента. Оно было гораздо больше куриного яйца, хотя и не такое большое, как он представлял. Изящные красные чешуйки покрывали его поверхность, сверкая, как драгоценные камни в свете ламп и свечей. Дунк выронил карлика и взял яйцо в руки, просто, чтобы хоть на один миг почувствовать, что это такое. Оно было намного тяжелее, чем он представлял. Им можно разбить человеческую голову и не повредить скорлупу. Красная чешуя была такой гладкой, толстой и плотной, а когда он поворачивал яйцо в руках, казалось, что оно мерцает. «*Кровь и пламя*», — подумал он, но на нём

были и золотые крапинки, и тёмные, как ночь, завитки...

— Эй, ты! Что это вы делаете, сир?

Рыцарь, которого он не знал, свирепо глядел на него. Большой мужчина с угольно-чёрной бородой — но Дунка заставил замереть не грозный вид, а голос — низкий, преисполненный гнева.

«Это был он, человек с которым разговаривал Пик», — понял Дунк, пока мужчина повелел:

— Положите на место. Я попросил бы вас держать свои жирные пальцы подальше от сокровища Его Светлости, иначе, клянусь Семерыми, вы горько

пожалееете.

Рыцарь был далеко не так пьян, как Дунк, так что было разумно прислушаться к его словам. Он очень осторожно положил яйцо обратно на подушку, и вытер пальцы о рукава.

— Я не хотел ничего дурного, сир. — *«Дунк, болван, тупой, как баран».*

Он протиснулся мимо чернобородого рыцаря и вышел из комнаты.

Лестничной колодец был наполнен радостными криками и девичьим смехом — это женщины несли Лорда Баттервелла к своей невесте. Дунку совершенно не хотелось с ними столкнуться и он

вдруг понял, что вместо того чтобы идти вниз, он оказался на крыше башни и глаза его на звезды над головой и на тускло мерцающий в лунном свете бледный замок под ними.

От вина у него начала кружиться голова, и он прислонился к перилам. *«Не заболел ли я? Зачем я потрогал драконье яйцо?»* Он вспомнил кукольное представление Тансели и деревянного дракона, с которого начались все беды в Эшфорде. Эти воспоминания как всегда пробудили в нём чувство вины. *«Хорошие люди погибли, чтобы спасти ступню межевому рыцарю. В этом не было смысла и никогда не будет. Это*

должно было послужить тебе уроком, болван. Таким, как ты, нельзя связываться с драконами и их яйцами».

— Выглядит, будто сделано из снега.

Дунк обернулся. Разодетый в шелка и золото Джон Скрипач стоял позади него и улыбался.

— Что сделано из снега?

— Замок. Весь этот белый камень в лунном свете. Вы когда-нибудь были к северу от Перешейка, Сир Дункан? Говорят, там бывает снег даже летом. Вы когда-нибудь видели Стену?

— Нет, милорд. — *«Чего это он завёл разговор о Стене?»* — Это то,

куда мы направлялись, Эгг и я. На север, в Винтерфелл.

— Если так, то я могу к вам присоединиться. Вы можете указать мне путь.

— Путь? — нахмурился Дунк. — Это прямо на Королевском Тракте. Если вы будете держаться тракта и двигаться на север, то проскочить не сможете.

Скрипач засмеялся.

— Полагаю, что нет... хотя вы будете удивлены, мимо чего порой проскакивают люди. — Он подошёл к перилам и оглядел замок. — Говорят эти северяне настоящие дикари, а их леса полны волков.

— Милорд, зачем вы поднялись

сюда?

— Эйлин ищет меня, и мне совершенно не хочется быть найденным. Он становится таким надоедливym, когда выпьет, этот Эйлин. Я заметил, как вы сбежали из спальни ужасов и сбежал за вами. Я выпил слишком много, могу вас уверить, но все же недостаточно много, чтобы лицезреть Баттервелла нагишом. — Он одарил Дунка загадочной улыбкой. — Вы мне снились, сир Дункан. Ещё до того как я вас встретил. Когда я увидел вас на дороге, я сразу узнал ваше лицо. Это было... словно встретить старого друга.

У Дунка появилось страннейшее

чувство, будто это всё с ним уже было.

— Вы снились мне, — сказал он. — Мои сны не такие как ваши, сир Дункан. Мои — правдивы.

— У вас был сон обо мне? — сказал он слишком густым от вина голосом. — Какого рода сон?

— Я грезил, — сказал Скрипач, — вы были в белом с ног до головы, а длинный белый плащ струился с ваших широких плеч. Вы были Белым Мечом, Присягнувшим Братом Королевской Гвардии, величайшим рыцарем во всех семи королевствах, и вы жили лишь, чтобы защищать и служить на благо своего короля. — Он положил руку Дунку

на плечо. — Вам грезилось тоже самое, я знаю.

Это была правда. В тот первый раз, когда старик разрешил ему поддержать его меч.

— Каждый мальчик мечтает служить в Королевской Гвардии.

— Но только семеро мальчиков одевают белый плащ, когда вырастут. Хотите ли вы быть одним из них?

— Я? — Дунк стряхнул руку лордённыша, ибо она начала сдавливать ему плечо. — Может быть. А может, и нет. — *«Рыцари Королевской Гвардии служили пожизненно и клялись не иметь жены и не владеть землями. А может я всё же встречу Тансель.*

Почему бы мне не обзавестись женой и сыновьями?» — Не имеет значения, о чём я мечтаю. Только король может сделать рыцаря Королевским Гвардейцем.

— Полагаю, это означает, что мне придётся занять трон. Хотя я с гораздо большим удовольствием научил бы вас играть на скрипке.

— Вы пьяны.

Ворона ворону на черноту попеняла.

— Восхитительно пьян. Вино делает любую вещь возможной, сир Дункан. По-моему, вы будете хорошо смотреться в белом, но если вам не нравится этот цвет, возможно, вы предпочитаете стать лордом?

Дунк рассмеялся ему в лицо.

— Нет, я скорее отращу огромные голубые крылья и улечу. Вероятность того и другого приблизительно одинакова.

— Вы надсмехаетесь надо мной. Истинный рыцарь никогда бы не стал надсмехаться над своим королём. — Скрипач действительно выглядел очень обиженным. — Надеюсь, вы больше станете доверять моим словам, когда увидите, как появится дракон.

— Появится дракон? Живой дракон? Где? Здесь?

— Мне снилось это. Этот бледный белый замок, вы, дракон, вылупляющийся из яйца. Мне

приснилось всё это, как когда — то приснились мои братья, лежащие мёртвыми. Им было двенадцать, а мне только семь, так что они посмеялись надо мной, а потом умерли. Теперь мне два-и- двадцать, и я верю своим снам.

Дунк вспомнил другой турнир, вспомнил, как он шёл под лёгким весенним дождём с другим принцем. *«Мне снились вы и мёртвый дракон, — говорил ему брат Эгга Дэйрон. — Могучий зверь, огромный, с такими большими крыльями, что они могли покрыть весь луг. Он упал на вас, но вы были живы, а дракон мёртв».* И он пал, несчастный Бэйлор. [\[12\]](#) Сны слишком ненадёжная

почва для строительства планов.

— Как скажете, милорд, — сказал он Скрипачу. — Прошу извинить меня.

— Куда вы идёте, сир?

— В постель, спать. Я пьян как пёс.

— Будьте моим псом, сир. Ночь полна обещаний. Мы можем повыть вместе и разбудить богов.

— Что вы от меня хотите?

— Ваш меч. Я сделаю вас своим человеком и возвеличу. Мои сны не лгут, сир Дункан. Вы получите этот белый плащ, а я должен получить яйцо дракона. Я должен, мои сны это ясно показали. Возможно, из яйца вылупится, или...

Позади них кто-то резко распахнул дверь.

— Он здесь, мой лорд.

Пара стражников появились на крыше, а за ними Лорд Гормон Пик.

— Гооорми, — растягивая звуки, произнёс Скрипач. — В чём дело? Что вы делаете в моей спальне, мой лорд?

— Это крыша, сир, вы выпили слишком много вина. — Лорд Гормон сделал резкий жест, и стражники выступили вперёд. — Позвольте нам помочь вам добраться до кровати. Прошу вас вспомнить, что поутру вас ждёт турнир. Кирби Пимм может оказаться опасным противником.

— Я надеялся сразиться с добрым сиром Дунканом.

Пик бросил на Дунка недружелюбный взгляд.

— Возможно, попозже. В первой схватке вам выпал Кирби Пимм.

— Этот Пимм должен пасть! Все они должны пасть! Таинственный рыцарь торжествует над своими противниками, и восхищение сопровождает его.

Стражник взял Скрипача за руку.

— Сир Дункан, похоже мы должны разлучиться, — крикнул он пока ему помогали спуститься по ступеням.

Только лорд Гормон остался на

крыше с Дунком.

— Межевой рыцарь, — прорычал он, — твоя мать не учила тебя не совать руку в пасть дракона?

— Я не знал своей матери, милорд.

— Это кое-что объясняет. Что он пообещал тебе?

— Титул лорда. Белый плащ. Большие голубые крылья.

— Вот тебе моё обещание: три фута холодной стали в твоём животе, если когда-либо упомянешь хоть словом о том, что сейчас произошло.

Дунк потряс головой в надежде прояснить разум. Не похоже, чтоб это помогло. Тогда он перегнулся в поясе и его вырвало.

Блевотина забрызгала сапоги Пику, и лорд разразился проклятиями.

— Межевые рыцари, — воскликнул он с отвращением. — Вам здесь не место. Ни один истинный рыцарь не будет настолько невоспитан, чтобы заявиться неприглашённым, но вы межевые твари...

— Мы нежеланны нигде, но оказываемся везде, милорд.

Вино сделало Дунка смелым, в другой раз он бы попридержал язык. Он вытер рот тыльной стороной ладони.

— Постарайтесь запомнить, что я вам сказал, сир. В противном

случае вам не поздоровится.

Лорд Пик стряхнул блевотину с сапог и удалился. Дунк снова прислонился к перилам и принялся прикидывать, кто безумнее — Лорд Гормон или Скрипач.

К тому времени, когда он нашёл обратную дорогу в зал, из его компаньонов там остался лишь сир Мейнард Пламм.

— У неё осталась хотя бы мука на сосках, после того как вы сорвали с неё подштанники? — поинтересовался он.

Дунк потряс головой, налили себе ещё один кубок вина, пригубил, и решил что он и так уже достаточно пьян.

Стюард Баттервелла выделил комнаты в замке для лордов и леди, и кровати в казармах для их свиты. Остальным гостям предоставлялся выбор: или соломенные тюфяки в подвале, или поставить свои шатры на небольшом клочке земли под западной стеной. Скромная парусиновая палатка, которую Дунк приобрёл в Каменной Септе, была далеко не шатром, но худо-бедно защищала от солнца и дождя. Некоторые его соседи всё ещё бодрствовали, шёлковые стены их шатров сияли, словно цветные фонари в ночи. Из голубого шатра с

подсолнухами слышался смех, а из другого, в красно-белую полоску, звуки любви. Эгг поставил их палатку немного поодаль от остальных. Мейстер и обе лошади были стреножены, а оружие и доспехи Дунка аккуратно уложены у стены. Он протиснулся в палатку и обнаружил своего оруженосца сидящего со скрещенными ногами над свечой, его голова сияла, а сам он внимательно изучал какую — то книгу.

— Чтение книг при свете свечи сделает тебя слепым.

Чтение продолжало оставаться тайной для Дунка, хотя парень и пытался его учить.

— Мне нужен свет свечи, чтобы различать слова, сир.

— А в ухо не хочешь? Что это за книга?

Дунк видел лишь яркие цвета на обложке и маленькие раскрашенные щиты, прячущиеся между буквами.

— Реестр гербов, сир.

— Ищешь Скрипача? Ты не найдёшь его. Межевых рыцарей в такие реестры не вносят, только лордов и чемпионов.

— Я не его искал. Я видел другие гербы во дворе... Лорд Сандерлэнд^[13] здесь, сир. Его знак — три бледные женские головы на зелёном и синем полуполях.

— Сестринский лорд? Правда?

Три Сестры были островами в Укусе. Дунк слышал, как септоны говорили, что острова утопают в грехах и алчности. Систертон был самым известным логовом контрабандистов в Вестеросе.

— Далёкий же он проделал путь. Наверное, он родственник Баттервелловой невесты.

— Никак нет, сир.

— Значит он здесь ради пира. Они едят одну рыбу на Трёх Сёстрах, не так ли? Его, небось, уже воротит от рыбы. Ты хорошо поел? Я принёс тебе каплуна и немного сыра.

Дунк пошарил в кармане своего плаща.

— Нас кормили рёбрами, сир. —

Эгг залез в книгу по самый нос — Лорд Сандерлэнд сражался за Чёрного Дракона, сир.

— Как и старый сир Юстас? Он был неплохим человеком, а?

— Нет, сир, — сказал Эгг, — но...

— Я видел драконье яйцо. — Дунк смёл еду в мешок с сухарями и солониной. — Оно было красным, в основном. Лорд Бладрэйвен тоже владеет яйцом дракона?

Эгг приопустил книгу:

— С чего бы это? Он низкого рождения.

— Он незаконного рождения, но не низкого.

Кровавый Ворон родился не на

той стороне одеяла, но он был знатного происхождения с обеих сторон. Дунк уже собирался рассказать Эггу о подслушанном разговоре, когда он увидел его лицо.

— Что приключилось с твоей губой?

— Драка, сир.

— Дай-ка мне посмотреть.

— Совсем чуть-чуть покровило.

Я полил её вином.

— С кем ты дрался?

— С какими-то другими оруженосцами. Они сказали...

— Не имеет никакого значения, что ОНИ сказали. Что я тебе говорил?

— Держать язык за зубами и не

создавать неприятностей. —
Мальчик потрогал разбитую губу. —
Они называли моего отца
братоубийцей.

*«Парень, он же и есть
братоубийца, хотя не думаю, что он
это намеренно».* Дунк говорил Эггу
не меньше полсотни раз не
принимать такие слова близко к
сердцу. Ты знаешь правду, и этого
должно быть достаточно. Они
слышали такие разговоры и раньше в
винных погребах, в бедных тавернах
и возле костров в лесу. Всё
королевство знало, что палица
принца Мэйкара сразила Бэйлора
Сломикопьё на Эшфордском Лугу.
Таких злокозненных пересудов

следовало ожидать.

— Если бы они знали, что принц Мэйкар твой отец, то они бы этого никогда не сказали. — *«За спиной бы говорили, а не в лицо»*. — И что ТЫ сказал этим оруженосцам вместо того, чтобы держать язык за зубами?"

Эгг выглядел смущённым.

— Что смерть принца Бэйлора была несчастным случаем. Только когда я сказал, что принц Мэйкар любил своего брата Бэйлора, оруженосец сира Аддама сказал, что он любил его до смерти, а оруженосец сира Мэллора сказал, что он любит своего брата Эйриса точно так же. Вот тогда-то я ему и

врезал. Я ему очень здорово врезал.

— Это я должен тебе хорошо врезать. Раздутое ухо хорошо смотрится с раздутой губой. Твой отец поступил бы точно так же, будь он здесь. Ты думаешь, принц Мэйкар нуждается в защите маленького мальчика? Что он повелел тебе, когда отправлял со мной?

— Быть вам верным оруженосцем, не уклоняться от поручений и не избегать невзгод.

— А что ещё?

— Подчиняться королевским законам, рыцарским правилам и вам.

— А что ещё?

— Брить или красить волосы, — сказал мальчик с явной неохотой. —

И никому не говорить своё имя.

Дунк кивнул.

— Сколько вина выпил тот парень?

— Он пил ячменное пиво.

— Видишь? Это ячменное пиво говорило. Слова — это ветер, Эгг, позволь им пролететь мимо.

— Кое-какие слова — ветер, — мальчишка был чрезвычайно упрям. — А кое-какие — измена. Это турнир изменников, сир.

— Что? Все они? — Дунк потряс головой. — Даже если это правда, это было очень давно. Чёрный Дракон мёртв, и те, кто сражались за него, бежали или прощены. И вообще это всё не

правда. Сыновья лорда Баттервелла дрались за обе стороны.

— Это делает его полуизменником, сир.

— Делало шестнадцать лет назад. — Весёлое винное помутнение прошло, и Дунк почувствовал себя сердитым и почти трезвым. — Стюард Лорда Баттервелла, распорядитель игр, его зовут Косгроув. Найди его и внеси моё имя в список. Нет, подожди... насчёт имени.

Когда вокруг так много лордов, кто-нибудь да вспомнит Сира Дункана Высокого на Эшфордском Лугу.

— Внеси меня как Рыцаря

Виселицы.

Простой народ любит, когда на турнире появляется Таинственный Рыцарь.

Эгг потёр разбитую губу.

— Рыцаря Виселицы, сир?

— Из-за щита.

— Да, но...

— Делай, как я сказал. На сегодня ты прочёл достаточно.

И Дунк сжал пламя свечи между большим и указательным пальцем.

* * *

Горячее злое солнце неумолимо
всходило над горизонтом.

Подымающиеся пары тёплого воздуха даже белые камни замка заставили мерцать. Воздух пах пропечённой землёй и сожжённой травой, и ни единого дуновение ветерка не развевало зелёно-беложёлтые знамёна, безжизненно свисающие с крепости и стражницей избушки у ворот.

Гром вёл себя очень беспокойно, Дунк крайне редко видел его в таком состоянии. Жеребец мотал головой из стороны в сторону, пока Эгт пытался затянуть подпруги седла. Он даже оскалил свои большие квадратные зубы, угрожая мальчику. *"Здесь так жарко, — подумал Дунк. — Слишком жарко, что для*

всадника, что для коня". Боевой конь и лучшие времена не отличался мирным нравом. "Сама Мать вышла бы из себя в такую жару".

В центре двора сражающиеся пошли на новый заход. Сир Харберт скакал на золотом рысаке, укутанном в чёрную броню с красными и белыми змеями Дома Пэйгов, а Сир Фрэнклин на гнедом коне, разряженном в серый шёлк с башнями Фреев. Когда они сошлись, красно-белое копье разломилось на две части, а голубое разлетелось в щепки, ни один из поединщиков не вылетел из седла. С трибун и от стражников на стенах донеслись аплодисменты, но они были вялыми,

короткими и неискренними.
"Слишком жарко для веселья, —
Дунк смахнул пот с бровей. *—*
Слишком жарко для сраженья". В
его голове, казалось, бил барабан.

"Дайте мне выиграть эту
схватку и ещё одну, и с меня
хватит".

У краёв арены рыцари
развернули коней и побросали
обломки своих копий, они успели
разбить уже четыре пары. *"На три*
больше, чем нужно". Дунк как мог,
оттягивал облачение в доспехи, но
все равно уже чувствовал как бельё
под сталью прилипло к коже. *"Есть*
на свете вещи и похуже, чем
купаться в поту", — сказал он сам

себе, вспоминая бой на Белой Леди, когда железнорождённые роились возле бортов. К концу дня он купался в крови.

Со свежими копьями в руках Пэйг и Фрей опять всадили шпоры в бока своих коней. Комья взбитой сухой земли вылетали из-под конских копыт после каждого скачка. Треск ломающихся копий заставил Дунка вздрогнуть. Слишком много вина была вчера, и еды тоже слишком, слишком много. У него были какие-то смутные воспоминания о восхождении с невестой по лестнице, о встрече с Джоном Скрипачом и Лордом Пиком на крыше. Что это я делал на крыше? Кажется, был

разговор о драконах, вспомнилось ему, о драконьем яйце или чём-то в этом роде, но...

Шум, наполовину рёв, наполовину стон, прервал его размышления. Дунк увидел золотую лошадь, скачущую без седока к краю арены, и Сира Харберта Пэйга, вяло ворочающегося на земле. Ещё две пары до моей очереди. Чем раньше он выбьёт из седла Сира Ютора, тем раньше он сможет снять доспехи, выпить чего-нибудь холодненького и отдохнуть. У него будет по крайней мере час, пока его опять призовут.

Пузатый герольд Лорда Баттервелла поднялся на вершину трибун для вызова следующей пары.

— Сир Аргрэйв Дерзкий, — прокричал он, — рыцарь Нанни, состоящий на службе у Лорда Баттервелла из Белостенного Замка. Сир Глендон Флауэрс, рыцарь из Кискиных Ив. Выйдете и докажите свою доблесть.

Волна смеха пронеслась по трибунам.

Сир Аргрэйв был худощавый жилистый мужчина, бывалый гарнизонный рыцарь в помятых серых доспехах на лошади без брони. Дунк знал людей этого сорта — суровы, как старые корни, и знают своё дело. Его противником был юный Сир Глендон на своей несчастной кляче в тяжёлой кольчуге

и железном полушлеме, не закрывающем лицо. Щит в его руке пылал ярким знаком его отца. *"Ему нужен нагрудник и надлежащий шлем, — подумал Дунк. — В таком одеянии удар в голову или грудь убьёт его"*.

Сир Глендон был явно разъярён таким представлением. Он пустил свою лошадь по кругу и сердито закричал:

— Я Глендон БОЛЛ, а не Глендон Флауэрс. Смеяться надо мной опасно, герольд. Предупреждаю, во мне течёт кровь героя.

Герольд не снизошёл до ответа, но ещё более громкий смех раздался

в ответ на протесты юного рыцаря.

— Почему они над ним смеются? — вслух подумал Дунк. — Он, что, бастард?

Флауэрс было имя, которое в Просторе давали бастардам рождённым от благородных родителей.

— И что такого в кискиных ивах?

— Я могу выяснить, сир, — сказал Эгг.

— Нет, нас это не касается. Где мой шлем?

Сир Аргрэйв и Сир Глендон отдали копьями честь Лорду и Леди Баттервелл. Дунк видел, как Баттервелл наклонился и прошептал

что-то на ухо своей невесте. Девушка принялась хихикать.

— Вот он, сир.

Эгг нарядился в свою обвислую шляпу, которая прикрывала глаза и спасала от солнца его бритую голову. Дунку нравилось дразнить мальчугана по поводу этой шляпы, но сейчас ему очень хотелось иметь такую же. Под солнцем соломенная шляпа гораздо лучше железной. Он убрал с лица волосы, и двумя руками надел шлем и привязал его к латному воротнику. Завязки провоняли застарелым потом, и он ощущал всё это железо на своей шее и плечах. Его голова раскалывалась от вчерашнего вина.

— Сир, — сказал Эгг, — ещё не поздно всё отменить. Если вы потеряете Грома и доспехи...

"Со мной как с рыцарем будет покончено".

— Чего это я должен проиграть? — спросил Дунк.

Сир Аргрэйв и Сир Глендон скакали к противоположным концам арены.

— Это не то, как если бы мне противостоял Смеющийся Шторм. Есть ли тут рыцарь, из-за которого мне стоит беспокоиться?"

— Почти что все, сир.

— Я задолжал тебе удар в ухо за такие высказывания. Сир Ютор на 10 лет меня старше и в половину

меньше.

Сир Аргрэйв опустил забрало, Сиру Глендону опускать было нечего.

— Вы не участвовали в турнирах со времени Эшфордского Луга, сир.

Нахальный мальчишка.

— Я тренировался.

Не так тщательно как мог бы, если быть честным. Когда подворачивалась возможность, он практиковался скакать на столб или кольца, а иногда он приказывал Эггу забраться на дерево и повесить на крепкий сук щит или бочонок и упражнялся на них.

— Вы лучше с мечом, чем с копьём, — сказал Эгг. — А уж с топором или палицей немногие

выстоят против вашей мощи.

То, что в этом была доля правды, раздосадовало Дунка ещё больше.

— Это не турнир на мечах или палицах, — указал он на сына Файрболла и Сира Аргрэйва Дерзкого, начинающих разбегаться. — Принеси мой щит.

Эгг соорудил мину и побежал за щитом.

В центре двора копьё Сира Аргрэйва ударило в щит Сира Глендона и соскользнуло, оставив выбоину на комете. А наконечник Сира Глендона нашёл центр вражеского нагрудника и врезал с такой силой, что не выдержали подпруги седла. Рыцарь вместе с

седлом закувыркались в пыли. Вопреки своему желанию Дунк был поражён. Мальчик бьётся почти так же хорошо, как он и говорил. Ему стало интересно, прекратят ли теперь над ним смеяться.

Взревели трубы, заставив Дунка в очередной раз скривиться. Герольд снова взобрался на свой помост.

— Сир Джоффри из Дома Кэсвеллов, Лорд Горького Моста и Защитник Бродов. Сир Кайл, Кот Туманного Болота. Выйдите и подтвердите свою доблесть.

Доспехи Сира Кайла были хорошего качества, но старые и поношенные, с многочисленными вмятинами и царапинами.

— Мать была благосклонна ко мне, Сир Дункан, — сказал он Дунку и Эггу по пути на ристалище. — Мне достался Лорд Кэсвелл, тот самый человек, которого я приехал увидеть.

Если и был на этом поле человек, который этим утром чувствовал себя хуже, чем Дунк, то это был Лорд Кэсвелл, который на пиру напился до бесчувствия.

— Это чудо, что после вчерашнего вечера, он хотя бы может сесть на коня, — сказал Дунк. — Победа у вас в руках, сир.

— Э, нет, — мягко улыбнулся Сир Кайл. — Кот, который хочет свою миску сливок, должен знать, когда надо мурлыкать, а когда

показывать когти, Сир Дункан. Если копьё Его Светлости хотя бы оцарапает мой щит, я повалюсь на землю. Позже, когда я преподнесу ему моего коня и доспехи, я выражу своё восхищение как мастерство Его Светлости выросло с тех пор, как я сделал ему его первый меч. Тут он меня вспомнит, и ещё до окончания дня я опять буду человеком Кэсвелла, рыцарем Горького Моста.

В этом нет чести, почти что произнёс Дунк, но вместо этого прикусил язык. Сир Кайл будет не первым рыцарем, променявшим честь на тёплое местечко у очага.

— Как скажете, — пробормотал. — Удачи вам, или

неудачи, это уж как предпочитаете.

Лорд Джоффри Кэсвелл был худосочным юношей лет двадцати, хотя, надо признать, в доспехах он выглядел намного более впечатляюще, чем прошлой ночью, лёжа лицом вниз в винной луже. Жёлтый кентавр, натягивающий длинный лук, был изображён на его щите. Точно такой же кентавр украшал белое шёлковое убранство его коня и блестел жёлтым золотом на его шлеме. *Человек, у которого на гербе кентавр, должен гораздо лучше уметь ездить верхом.* Дунк не знал, как хорошо Сир Кайл умел орудовать копьём, но по тому, как Лорд Кэсвелл сидел на лошади,

казалось, что сильный кашель — и тот может сбросить его с седла. *Всё что Коту понадобилось бы сделать — это очень быстро проскакать мимо него.*

Эгг держал уздечку Грома, пока Дунк неуклюже взбирался в высокое, жёсткое седло. Сидя так в ожидании, он ощущал на себе сотни взглядов. *Им интересно стоит ли чего-нибудь этот огромный межевой рыцарь.*

Дунку тоже было это интересно. Довольно скоро это выяснится.

Кот Туманного Болота был верен своему слову. Лорд Кэсвелл мотал копьём чуть ли не по всему полю, пытаясь прицелиться в Сира Кайла, ни тот ни другой даже не пустили

коней рысью, но все равно, Кот повалился с седла, когда наконечник копья Лорда Джоффри по чистой случайности задел его плечо. *"А я думал все коты грациозно приземляются на лапы"*, — подумал Дунк, глядя на межевого рыцаря, катающегося в пыли. Копьё Лорда Кэсвелла осталось не сломанным. Развернув коня, он несколько раз вскинул копьё высоко в воздух, будто он только что выбил из седла Лио Длинного Шипа или Смеющегося Шторма. Кот стянул шлем и отправился догонять свою лошадь.

— Мой щит, — сказал Дунк Эггу.

И мальчик подал его. Дунк вддел

руку в ремешок и сжал скобу. Вес ромбовидного щита обнадёживал, но из-за такой длины его было неудобно держать, а вид повешенного в очередной раз заставил Дунка испытать тяжёлое чувство. *Это оружие отмечено неудачей.* Он окончательно решил перекрасить щит так быстро, как сможет. Да дарует мне Воин гладкий ход и быструю победу, молился он, пока Баттервелов герольд в очередной раз взбирался по ступеням.

— Сир Ютор Андерлиф, — взревел его голос. — Рыцарь Виселицы. Выйдете и подтвердите свою доблесть.

— Будьте осторожны, сир, —

предупредил его Эгг, подавая турнирное копьё — сужающийся деревянный штырь двенадцати футов длиной, заканчивающийся железным наконечником в форме сжатого кулака. — Другие оруженосцы говорили, Сир Ютор хорошо держится в седле и очень быстр.

— Быстр? — фыркнул Дунк. — У него улитка на щите. Насколько быстрым он может быть?

Он ударил Грома каблуками по бокам и с копьём наперевес медленным шагом отправил коня вперёд. *"Одна победа и мы при своих. Две и мы с барышом. Две победы не кажутся такими уж недостижимыми в этой-то*

компании". По крайней мере, ему повезло со жребием. Ему вполне мог выпасть Старый Бык, или Сир Кирби Пимм или любой дугой из местных героев. Дунку стало интересно, не намеренно ли распорядитель игр поставил межевых рыцарей друг против друга, чтобы никому из лордов не пришлось испытать позор от проигрыша межевому рыцарю в первом же раунде. "Это не имеет значения. Один противник за раз, так всегда говорил старик. Сир Ютор — это всё о чём мне надо сейчас беспокоиться".

Они встретились у подножия трибун напротив Лорда и Леди Баттервелл, сидящих на своих

подушках в тени замковой стены. Лорд Фрей сидел рядом с ними, качая на одном колене своего сопливого сына. Шеренга служанок обмахивала их, и все равно на узорчатой тунике лорда Баттервелла под мышками расплылись пятна, а волосы его леди обвисли от пота. Ей явно было жарко, скучно и неудобно, но когда она увидела Дунка, её грудь так заколыхалась, что он покраснел под своим шлемом. Он макнул своим копьём перед ней и её лордом мужем. Сир Ютор сделал тоже самое. Баттервелл пожелал им обоим хорошей схватки, его жена высунула язык.

Время пришло. Дунк рысью

отправился к южному краю
ристалища, в восьмидесяти футах его
оппонент тоже занял свою позицию.
Его серый жеребец был меньше
Грома, но молод и горяч. На Сире
Юторе были зелёный исцарапанный
нагрудник и серебряная кольчуга.
Зелёные и серые ленты струились с
его бацинета, [\[14\]](#) а на щите была
изображена серебряная улитка.
*"Хорошие доспехи означают
хороший выкуп, если я собью его".*

Запела труба.

Гром пошёл вперёд медленной
рысью. Дунк перебросил своё копье
налево и опустил вниз, так что
теперь оно было между конской
головой и деревянным барьером,

разделяющим противников. Его щит защищал левую сторону его тела. Он наклонился вперёд и сжал ногами бока Грома, который тем временем набирал скорость. *"Мы едины. Человек, копьё, конь — мы единый зверь из крови, дерева и железа"*.

Сир Ютор мчался во весь опор, клубы пыли вылетали из-под копыт его серого. Когда между ними оставалось футов сорок, Дунк пришпорил Грома в галоп и нацелил наверхие копыта прямо на серебряную улитку. Угрюмое солнце, пыль, жара, замок, Лорд Баттервелл и его невеста, Скрипач и Сир Мейнард, рыцари, оруженосцы, конюхи, простолюдины — все вдруг исчезло.

Остался лишь противник. Ещё раз шпоры. Гром перешёл на бег. Улитка приближалась к нему, вырастая с каждым прыжком длинных серых ног... а впереди несло копьё с железным кулаком. *"Мой щит крепок; мой щит выдержит удар. Только улитка имеет значение. Удар по улитке и схватка за мной"*.

Когда между ними оставалось десять ярдов, Сир Ютор перевёл наверх копьё.

Треск собственного копьё достиг ушей Дунка. Он успел почувствовать толчок в руке и плече, но так и не увидел, куда он попал: Юторов железный кулак врезал ему прямо между глаз, со всей мощью

человека и лошадь, стоящих за ним.

* * *

Дунк очнулся на спине и уставился на арки сводчатого потолка.

Какое-то время он не мог понять, где он и как сюда попал. Голоса отдавались эхом в его голове, и лица плыли перед ним — старый Сир Арлан, Тансель Слишком Высокая, Беннис из Коричневого Щита, Красная Вдова, Бэйлор Сломикопье, Эйрион Яркий Принц, безумная печальная Леди Вэйс. И вдруг поединок вернулся к нему:

жара, улитка, летящий в лицо железный кулак. Он застонал и перевернулся бок. От этого движения его череп загремел, как огромный военный барабан.

По крайней мере, похоже, что оба глаза работают. И дыры в своей голове он не чувствовал, это тоже было хорошо. Он был в каком-то погребе, с обеих сторон стояли бочки с вином и элем. *Тут хотя бы прохладно, и выпивка под рукой.* Во рту у него стоял вкус крови. Дунк почувствовал укол страха. Если он откусил себе язык, то он теперь не только тупой, а ещё и немой.

— Доброе утро, — прокаркал он, лишь затем только, чтобы

услышать свой голос. Слова эхом отдались в потолке. Дунк попытался подняться на ноги, но от этого усилия погреб начал кружиться перед его глазами.

— Медленней, медленней, — произнёс дрожащий голос где-то рядом. Сутулый старик, одетый в такую же седую, как и его длинные волосы, робу, появился у его ложа. На его шее была длинная мейстерская цепь из множества металлов. У него было длинное вытянутое лицо, с глубокими морщинами по обеим сторонам большущего клювовидного носа.

— Сиди спокойно и дай мне рассмотреть твои глаза.

Он заглянул Дунку сперва в левый, а затем и в правый глаз, широко раздвинув веки большим и указательным пальцами.

— У меня голова болит.

Мейстер фыркнул.

— Радуйтесь, что она всё ещё у вас на плечах, сир. Вот это, может быть, поможет. Пейте.

Дунк заставил себя проглотить гадкое снадобье до последней капли и даже умудрился его не выплюнуть.

— Турнир, — сказал он, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Скажите мне. Что случилось?

— Та же дурость, что и всегда случается при таких драках. Мужчины сбивают друг друга с

лошадей палками. Племянник Лорда Смоллвуда сломал запястье, нога Сира Удена Рисли была перемолота под его лошадьё, но пока ещё никто не погиб. Хотя за вас, сир, я опасался.

— Я был сбит с коня?

Ему по-прежнему казалось, что голова его наполнена шерстью, иначе бы он не задал такого идиотского вопроса. Дунк пожалел об этих словах, как только их произнёс.

— С грохотом, от которого сотряслись даже самые верхние бастионы. Те, кто поставили на вас хорошую монету, были просто потрясены, среди них и ваш оруженосец. Он бы до сих пор сидел

тут, если бы я его не прогнал. Мне не нужны дети под ногами. Я напомнил ему о его долге.

Дунк обнаружил, что он сам нуждается в напоминании.

— Каком долге?

— Ваш конь, сир. Ваше оружие, ваши доспехи.

— Да, — сказал Дунк, припоминая. Мальчик был хорошим оруженосцем, он знал, что от него требовалось. *Я потерял меч старика и доспехи, которые мне выковал Стальной Пэйт.*

— Ваш друг Скрипач тоже о вас спрашивал. Он велел мне, чтобы за вами был самый лучший уход. Его я тоже вышвырнул.

— И как давно я под вашим присмотром? — Дунк согнул пальцы на меч-руке. Похоже, все они работали. *Только моя голова пострадала, а Сир Арлан постоянно говорил, что я ей все равно не пользуюсь.*

— По солнечным часам четыре часа.

Четыре часа — это не так уж плохо. Он слышал историю про рыцаря, который получил такой удар, что провалялся сорок лет и проснулся старым и немощным.

— Не знаете ли вы, выиграл ли Сир Ютор вторую схватку?

Может Улитка выиграет турнир. Горечь поражения была бы не такой

сильной, если бы Дунк мог говорить себе, что проиграл лучшему рыцарю на поле.

— Этот то? Действительно, выиграл. Против Сира Аддама Фрея, кузена невесты, подающего надежды юного копьеборца. Её Светлость потеряла сознания, когда Сир Аддам пал. Её даже пришлось отнести в спальню.

Дунк заставил себя подняться на ноги, его мотало из стороны в сторону, но мейстер помог ему устоять.

— Где моя одежда? Я должен идти. Я должен... Я обязан...

— Если вы не можете вспомнить, это не может быть таким

уж срочным, — Мейстер раздражённо махнул. — Я бы порекомендовал воздержаться от обильного приёма пищи, крепких напитков, и дальнейших ударов между глаз... но я выучил давным-давно, что рыцари глухи к голосу разума. Идите, идите. У меня есть другие дураки, о которых надо позаботиться.

Выбравшись наружу, Дунк заметил парящего широкими кругами в ярком синем небе коршуна. Он ему позавидовал. Несколько туч собирались на востоке, тёмные, как настроение Дунка. Пока он искал обратный путь к ристалищу, солнце било по его голове, как молот по

наковальне. Земля, казалось, качалась у него под ногами..., а может, это его шатало. Выбираясь по ступенькам из погреба, он два раза чуть не упал. *"Надо проверить, как там Эгг"*.

Держась края толпы, он медленно пересёк двор. На поле пухлый Лорд Эйлин Кокшо, последний соперник юного Глендона Болла, хромотал, поддерживаемый двумя оруженосцами. Третий оруженосец нёс его шлем, все три гордых пера были сломаны.

— Сир Джон Скрипач, — прокричал герольд. — Сир Фрэнклин из Дома Фреев, рыцарь Близнецов, присягнувший Лорду

Переправы. Выйдете и подтвердите свою доблесть.

Дунку оставалось лишь стоять и смотреть, как большущий вороной Скрипача, наряженный в голубой переливающийся шёлк с золотыми мечами и скрипками, рысью выбежал на поле. Нагрудник его всадника тоже был голубым, а также голубыми были наколенники, налокотники, наголенники и воротник доспехов. Одета под все это кольчуга была позолочена. Сир Фрэнклин управлял серой в яблоках лошадью со струящейся серебристой гривой, что хорошо сочеталось серыми шелками и серебром его доспехов. На щите, одежде и

лошадином убранстве красовались башни-близнецы Фреев. Соперники сходились вновь и вновь. Дунк стоял и смотрел, но не видел происходящего. *"Дунк, болван, тупой, как баран, — распекал он себя. — У него была улитка на щите, как ты мог проиграть человеку с улиткой на щите?"*

Вокруг него раздались возгласы одобрения и, обратив внимание на поле, он увидел валяющегося Фрэнклина Фрея. Скрипач спешил, чтобы помочь павшему противнику подняться. *"Он на один шаг ближе к своему драконьему яйцу, — подумал Дунк. — А где я?"*

Добравшись до задних ворот,

Дунк наткнулся на компанию вчерашних карликов, собирающихся в дорогу. Они запрягали пони в свою деревянную свинью на колёсах и вторую повозку с более подходящей для дороги конструкцией. Дунк насчитал шестерых карликов, один меньше и искорёженной другого. Кое-кто из них, наверное, были детьми, но они все были такие низкие, что определённо сказать было трудно. При дневном свете, одетые в штаны из конской кожи и груботканые плащи с капюшонами, они совсем не казались такими забавными как во время представления.

— Доброе утро, — сказал Дунк,

чтобы не показаться невежливым. — Собираетесь в дорогу? На востоке тучи, как бы не было дождя.

Единственный ответ, которым его удостоили — это сердитый взгляд самого уродливого карлика. *"Не его ли я оттащил от Леди Баттервелл прошлой ночью?"* Вблизи карлик пах, как нужник, Дунку хватило одного вдоха, чтобы поскорее убраться подальше.

Путь вокруг Молочницы показался Дунку таким же длинным, как их с Эггом путешествие через пески Дорна. Он держался возле стены и время от времени прислонялся к ней. Каждый раз, когда он поворачивал голову, мир

начинал куда-то уплывать. *"Пить, — подумал он. — Мне нужен глоток воды, а то я упаду"*.

Проходящий мимо конюх рассказал ему, где найти ближайший колодец. Там он обнаружил Кайла Кота, тихо беседующего с Мейнардом Пламмом. Поза Сира Кайла говорила об его горестном настроении, но он обрадовался появлению Дунка.

— Сир Дункан? А мы слышали, что вы то ли умерли, то ли умираете.

Дунк поскрёб виски.

— Мне этого и хочется.

— Мне знакомо это чувство, — вздохнул Сир Кайл. — Лорд Кэсвелл не узнал меня. Когда я сказал ему,

что выстругал его первый меч, он устоял на меня, будто я потерял рассудок. Он сказал, что в Биттербридже никогда не было места таким никудышным рыцарям, каким я сегодня себя показал, — Кот издал горький смешок. — И он забрал моё оружие и доспехи. Коня тоже. Что мне теперь делать?

У Дунка не было для него ответа. Даже вольному всаднику нужен конь, чтобы быть всадником, даже наёмнику, торгующему своим мечом, нужен меч для продажи.

— Вы найдёте другую лошадь, — сказал Дунк, вытягивая ведро из колодца. — Семь Королевств полны лошадей. Вы

найдёте другого лорда, который вооружит вас. — Он сложил ладони, наполнил их водой и стал пить.

— Другого лорда. Аэ. У вас никого нет на примете? Я не так молод и силён как вы, и не такой большой. В крупных мужчинах всегда нужда. Лорду Баттервеллу, к примеру, нравится, чтоб его рыцари были здоровяками. Гляньте на Тома Хеддля. Вы видели, как он бьётся? Выбил из седла каждого, с кем встречался. Хотя, Файерболлов парнишка сделал то же самое. И Скрипач тоже. Жаль, что это не он меня сбил. Он отказывается брать выкупы. Он говорит, что ему ничего не надо, кроме яйца дракона... и ещё

дружбы его сражѣнных соперников.
Цветок рыцарства, этот юноша.

Мейнард Пламм расхохотался.

— Скрипка рыцарства, хотите вы сказать. Этот мальчик намузицирует бурю, и все мы поступим очень умно, если уберѣмся отсюда, пока она не началась.

— Он не берѣт выкупы? — спросил Дунк. — Благородный поступок.

— Благородные поступки очень легко совершать, когда твой кошелѣк набит золотом, — ответил Сир Мейнард. — Это урок вам, Сир Дункан, если у вас хватит ума его понять. Вам ещё не поздно уйти.

— Уйти? Куда уйти?

Сир Мейнард пожал плечами.

— Куда угодно. Винтерфелл. Летний Замок, Асшай у Тени. Не имеет значения, лишь бы вас тут не было. Хватайте своего коня и доспехи и убирайтесь через задние ворота. Вас никто не заметит. Улитке надо думать о следующей схватке, а глаза всех остальных прикованы к сражающимся.

На пол-удара сердца Дунк поддался соблазну. Пока у него есть конь и оружие, он худо-бедно оставался рыцарем, без них он не более, чем нищий. *"Здоровенный нищий, но все равно нищий"*. Но его оружие и доспехи теперь принадлежат Сиру Ютору, и Гром

тоже. *"Лучше нищий, чем вор"*. Он был и тем, и другим на Блошином Конце, когда бегал с Хорьком, Раффом и Пудингом, старик спас его от этой жизни. Он знал, чтобы Сир Арлан Пеннитри ответил на предложение Пламма. Сир Арлан умер, и Дунк сказал за него:

— Даже у межевого рыцаря есть честь.

— Вы предпочитаете умереть с незапятнанной честью или жить с замаранной. Впрочем, поберегите слова, я знаю, что вы скажете. Возьмите своего мальчика и бегите, повешенный рыцарь. Пока ваш щит не стал вашей судьбой.

Дунк ошетинился.

— Как вы можете знать мою судьбу? У вас был сон, как у Джона Скрипача? Что вы знаете об Эгге?[\[15\]](#)

— Я знаю, что яйцам лучше держаться подальше от раскалённых сковородок, — сказал Пламм. — Белостенный Замок не безопасное место для мальчика.

— Как вы-то преуспели в своей схватке, сир? — спросил его Дунк.

— О, я не вносил своё имя в список. Знаки, знаете ли, предвещали дурное. Кто, по-вашему, позвольте узнать, завладеет драконьим яйцом?

"Не я", — подумал Дунк:

— Семеро знают, а я нет.

— У вас есть два глаза, сир,

попробуйте угадать.

Дунк на один миг задумался.

— Скрипач?

— Замечательно. Не

потрудитесь объяснить, на чём основано предположение?

— Я просто... У меня есть предчувствие.

— У меня тоже, — сказал Мейнард Пламм. — У меня есть плохое предчувствие в отношении каждого мужчины и мальчика, у которых не хватило ума не становиться на пути Скрипача.

* * *

Эгг расчёсывал Грома возле их палатки, но взгляд его был далеко.

"Мальчик тяжело переживает моё поражение".

— Довольно, — позвал его Дунк. — Ещё немного и Гром будет таким же лысым, как и ты.

— Сир? — Эгг выронил щётку. — Я знал, что никакая дурацкая улитка не может вас убить, сир. — И он бросился обнимать Дунка.

Дунк стянул с головы мальчика обвислую соломенную шляпу и нахлобучил себе на затылок.

— Мейстер сказал, ты занимаешься моими доспехами.

Эгг с негодованием забрал

шляпу обратно.

— Я почистил вашу кольчугу и отполировал наголенники, воротник и нагрудник, но ваш шлем треснул и вмялся там, куда ударило копьё Сира Ютора. Вам понадобится оружейник, чтобы это исправить.

— Пусть Сир Ютор исправляет. Это теперь его.

"Ни коня, ни меча, ни доспехов. Может эти карлики позволят мне присоединиться к своей труппе. Это будет выглядеть весьма забавно — шесть карликов лупящих гиганта свиными пузырями".

— Гром теперь тоже его. Пошли. Мы отдадим их ему и пожелаем удачи в оставшихся поединках.

— Сейчас, сир? Вы не собираетесь выкупить Грома?

— Чем я это сделаю, парень? Камешками и овечьими катышками...

— Я думал об этом, сир. Если вы сможете занять...

Дунк прервал его.

— Никто не одолжит мне столько денег, с какой стати им это делать? Эгг. С какой стати они должны это делать? Кто я для них? Всего лишь огромный олух, который называл себя рыцарем, пока улитка с палочкой чуть не пробила ему голову.

— Тогда, — сказал Эгг, — вы можете взять Дождя, сир, а я опять поеду на Мейстере. Мы поедем в

Летний Замок. Вы можете поступить на службу в гарнизон моего отца. Его конюшни полны лошадей. Вы сможете взять себе и боевого коня, и скакового.

Эгг желал добра, но Дунк не мог униженно возвращаться в Летний Замок. Только не так, побитый и нищий, прося службы и не имея даже меча для этого.

— Парень, — сказал он. — Это очень любезно с твоей стороны, но мне не нужны крошки со стола твоего лорда отца, и из его конюшен тоже. Наверное, пришла пора каждому из нас пойти своей дорогой.

Дунк всегда мог тайком вступить в ряды Городской Стражи

Ланниспорта или Старгорода, там любят крупных мужчин. "Я обстучал своей башкой притолоки всех постоянных дворов от Ланниспорта до Королевской Гавани, может, пришло время, чтобы мой рост добыл мне пару монет, а не одни шишки". Но у стражников нет оруженосцев.

— Я научил тебя, чему мог, и этого явно недостаточно. Тебе будет лучше под присмотром настоящего мастера-над-оружием, какого-нибудь свирепого старого рыцаря, который знает за какой конец надо держать копьё.

— Я не хочу настоящего мастера-над-оружием, — сказал

Эгг. — Я хочу вас. Что если я воспользуюсь своим?..

— Нет. Ничего такого. Я не хочу это слышать. Так что собирай моё оружие. Мы преподнесём его Сиру Ютору вместе с моими поздравлениями. Трудные вещи становятся только труднее, если их откладывать.

Эгг пнул ногой землю, и лицо его было таким же поникшим, как его большая соломенная шляпа.

— Айе, сир. Как скажете.

* * *

Снаружи палатка Сира Ютора

выглядела очень просто: большое квадратное помещение из покрашенной в серо-коричневый цвет парусины, прикреплённое к земле пеньковыми верёвками. Серебряная улитка над серым вымпелом красовалась на центральном шесте, но это было единственное украшение.

— Жди здесь, сказал Дунк Эггу. Мальчик держал Грома за уздечку. Большой коричневый боевой конь был нагружен оружием и доспехами Дунка, даже новый старый щит Дунка был там. *"Рыцарь Виселицы. Каким унылым таинственным рыцарем я оказался"*. — Я долго не буду.

Он пригнул голову и протиснул плечи внутрь.

Наружный вид палатки плохо подготовил его к тому комфорту, что он увидел внутри. Земля под его ногами была покрыта шерстяными Мееринскими коврами различных цветов. Богато украшенный эстакадный стол стоял, окружённый складными стульями, мягкие подушки валялись на пуховой перине, а железная жаровня источала ароматный фимиам. Сир Ютор сидел за столом, груда золота и серебра возвышалась перед ним, а у его локтя стоял графин с вином. Вместе со своим оруженосцем, нескладным парнем приблизительно того же

возраста, что и Дунк, он считал монеты. Время от времени Улитка прикусывал монету или откладывал в сторону.

— Гляжу, мне ещё много чему придётся тебя научить, Уилл, — услышал его Дунк. — Эта монета обкусана, а та — обрезана. А эта? — Золотой протанцевал по его пальцам. — Смотри на монеты прежде, чем их брать. Вот, скажи мне, что ты видишь?

Золотой полетел по воздуху, Уилл попытался его поймать, но он отскочил от его пальцев и упал на землю. Чтобы найти его, Уиллу пришлось опуститься на колени. Найдя, он осмотрел монету с обеих

сторон дважды, прежде чем сказать:

— Этот хороший, милорд. Дракон на одной стороне и король на другой...

Андерлиф бросил взгляд на Дунка.

— Повешенный человек. Рад видеть, что вы можете передвигаться, сир. Я боялся, что убил вас. Сделайте мне одолжение, проинструктируйте моего оруженосца о видах драконов. Уилл, дай Сиру Дункану монету.

У Дунка не оставалось выбора, кроме как взять её. *"Он сбил меня с лошади, теперь ему надо, чтобы я для него попрыгал?"* Нахмурившись, он взвесил монету в руке, осмотрел обе стороны, попробовал на зуб.

— Золото, не обрезано и не обкусано. Вес кажется правильный. Я бы взял её тоже. Что с ней не так, милорд?

— Король.

Дунк посмотрел внимательней. Лицо на монете было молодым, гладковыбритым, красивым. Король Эйрис на своих монетах был с бородой, старый король Эйгон тоже. Король Дэйрон, который правил между ними, был безбородым, но это был не он. Монета не выглядела такой старой, чтобы быть отчеканенной до царствования Эйгона Недостойного. Дунк бросил сердитый взгляд на слово под головой. *Шесть букв*. Они выглядели

точно так же как и на других драконах. "Дэйрон", — прочитал он, но он знал лицо Дэйрона Доброго, и это был не он. Когда он посмотрел ещё раз, он увидел что-то странное в очертании четвёртой буквы, это не было...

— Дэймон, — выпалил он. — Тут сказано Дэймон. Не было никогда никакого короля Дэймона, если только...

— ...Претендент. Дэймон Чёрное Пламя чеканил свою собственную монету во время мятежа.

— Это все равно золото, — возразил Уилл. — Раз это золото, то эта монета не хуже любого другого

дракона, милорд.

Улитка залепил ему затрещину в ухо.

— Кретин. Айе, это золото. Мятежное золото. Изменническое золото. Измена владеть такой монетой и измена платить ею. Мне придётся её переплавить. — Он ударил парня ещё раз. — Прочь с глаз моих. Этому доброму рыцарю и мне надо кое-что обсудить.

Уилл не теряя времени выбрался из палатки.

— Садитесь, — вежливо сказал Сир Ютор. — Желаете вина?

В своей палатке Андерлиф казался совсем другим человеком, нежели во время пира.

"Улитка прячется в своей раковине", — вспомнил Дунк.

— Спасибо, нет.

Он подтолкнул золотой обратно к Сиру Ютору. *"Изменническое золото. Золото Блэкфайра. Эгг говорил мне, что это турнир изменников, а я не хотел слушать"*. Он должен извиниться перед мальчиком.

— Полкубка, — настаивал Андерлиф. — Судя по вашему голосу, вы в этом нуждаетесь.

Он наполнил два кубка и протянул один Дунку. Без доспехов он был больше похож на купца, чем на рыцаря.

— Полагаю, вы пришли

расплатиться.

— Айе, — Дунк взял вино. Может, это поможет остановить грохот в его голове. — Я привёл мою лошадь, моё оружие и доспехи. Примите их с моими поздравлениями.

Сир Ютор улыбнулся:

— В этом месте я должен был бы сказать, что вы доблестно сражались.

Дунку было интересно, не является ли слово "доблестно" вежливым способом сказать "неуклюже".

— Это очень любезно с вашей стороны, но...

— Мне кажется, вы меня не

расслышали. Не будет ли слишком смело с моей стороны поинтересоваться, как вы стали рыцарем, сир?

— Сир Арлан из Пеннитри нашёл меня на Блошином Конце, гонявшимся за свиньями. Его предыдущий оруженосец был убит на Краснотравном Поле, так что ему нужен был кто-то ухаживать за конём и чистить кольчугу. Он пообещал, что научит меня обращаться с мечом и копьём и ездить верхом, если я отправлюсь с ним и буду служить ему, я так и поступил.

— Очаровательная история... хотя на вашем месте, я бы опустил часть про свиней. Прошу прощения,

где ваш Сир Арлан сейчас?

— Он умер. Я похоронил его.

— Понятно. Вы отвезли его домой в Пеннитри?

— Я не знал, где это.

Дунк никогда не видел Пеннитри старика. Сир Арлан редко говорил о нём, не больше, чем Дунк любил говорить о Блошином Конце.

— Я похоронил его на склоне холма, лицом к западу, так чтобы он мог видеть, как заходит солнце.

Складной стул тревожно закрипел под его весом. Сир Ютор сел обратно на своё место.

— У меня есть собственные доспехи и лошадь, получше вашей. Что мне делать со старой клячей и

мешком помятых пластин и ржавых колец?

— Стальной Пэйт выковал эти доспехи, — сказал Дунк с ноткой гнева в голосе. — Эгг хорошо заботился о них. На моей кольчуге нет ни пятнышка ржавчины, а сталь добрая и крепкая.

— Крепкая и тяжёлая, — пожаловался Сир Ютор. — И слишком большая для любого мужчины нормальных размеров. Вы необычайно крупный, Дункан Высокий. Что касается вашего коня, то он слишком стар для езды и слишком жилист для еды.

— Гром уже не так молод, — признал Дунк, — и мои доспехи, как

вы и говорите, велики. Но вы можете их продать. В Ланниспорте или Королевской Гавани полно кузнецов, которые с охотой возьмут их у вас.

— Скорее всего за десятую часть того, что они стоят, — сказал Сир Ютор, — и лишь для того, чтобы расплавить на металл. Нет уж, сладкое серебро мне нужно, а не старое железо. Монеты королевства. Итак, желаете ли вы выкупить ваше оружие или нет?

Дунк, нахмурившись, вертел в руках кубок. Он был сделан из сплошного серебра с инкрустацией по краям в виде линии золотых улиток. Вино тоже было золотым и опьяняющим.

— Если бы желания превращались в монеты, я бы заплатил. С радостью. Только...

— ... у вас не найдётся и двух оленей зацепить рогами.

— Если вы... если вы одолжите мне мою лошадь и доспехи, я заплачу выкуп позже, как только раздобуду деньги.

Улитка выглядел изумлённым.

— Где же вы их раздобудете, прошу прощения?

— Я могу поступить на службу к какому-нибудь лорду, или... — ему трудно давались эти слова, он чувствовал себя попрошайкой. — Это может занять пару лет, но я заплачу. Клянусь.

— Своей рыцарской честью?

Дунк покраснел.

— Я могу поставить свой знак на договоре.

— Закорючка межевого рыцаря на клочке бумаги? — Сир Ютор закатил глаза. — Хороша лишь, чтобы подтереть мою задницу — ни для чего больше.

— Вы тоже межевой рыцарь.

— А теперь вы меня обидели. Я еду туда, куда хочу и не служу ни одному человеку, кроме самого себя, это правда... но прошло уже много лет с тех пор, как я спал под кустами. Я выяснил, что постоялые дворы гораздо уютней. Я турнирный рыцарь, лучший из тех, кого вам

когда-либо доводилось встречать.

— Лучший? — его высокомерие рассердило Дунка. — Смеющийся Шторм может не согласиться, сир. И Лео Длинный Шип, и Зверь Бракен тоже. На Эшфордском Лугу никто не говорил об улитках. С чего бы это, если вы такой знаменитый турнирный чемпион?

— Вы слышали, чтобы я называл себя чемпионом? Так недолго и известность приобрести, а я уж лучше подхвачу оспу, чем это. Спасибо, не надо. Я выиграю мою следующую схватку, айте, но в финале я упаду. Баттервелл пообещал тридцать драконов тому рыцарю, кто станет вторым, и этого мне вполне

достаточно... вкупе с хорошими выкупами и выплатами по ставкам, — Он указал на груду серебряных оленей и золотых драконов на столе. — Вы кажетесь здоровым парнем, и вы очень большой. Размеры всегда впечатляют дураков, хотя в турнирной схватке это значит очень мало. Уилл сумел добиться ставок три к одному против меня. Лорд Шони поставил пять к одному, придурок. — Он взял серебряного оленя и, щелкнув длинными пальцами, отправил его кружиться. — Старый Бык будет кувыркаться следующим. Потом Рыцарь Кискиных Ив, если протянет так долго. Благодаря людской

сентиментальности я заполучу прекрасные ставки против обоих. Народ любит деревенских героев.

— В Сире Глендоне течёт кровь героя, — ляпнул Дунк.

— О, очень на это надеюсь. Кровь героя пойдёт за два к одному. С крови шлюхи таких ставок не получишь. Сир Глендон говорит о своём знаменитом родителе при каждой возможности, но заметили ли вы, что он ни разу не упомянул о своей матери? И для того есть веская причина. Он был рождён от лагерной шлюхи. Дженни было её имя. Дженни Грош звали её до Краснотравного Поля. В ночь перед битвой она перетрахалась с таким

количеством мужчин, что после этого стала известна как Краснотравная Дженни. Файрболл поймел её до того, в этом я не сомневаюсь, но то же самое проделала и сотня других мужчин. Мне кажется, наш друг Глендон навоображал слишком много, а ведь у него даже волосы не рыжие.

Кровь героя, подумал Дунк.

— Он говорит, что он рыцарь.

— О, вот это как раз правда.

Мальчишка и его сестра выросли при борделе, называемом Кискины Ивы. После того, как Дженни Грош умерла, другие шлюхи заботились о них и скормили парню сказочку, состряпанную его мамашей, будто он

от семени Файрболла. Старый оруженосец, который жил неподалёку, тренировал мальчика в обмен, как водится, на эль и перепихон, но, будучи оруженосцем, он не мог произвести в рыцари маленького бастарда. Полгода назад компания рыцарей забрела в бордель, и некий Сир Морган Данстэйбл положил пьяный глаз на сестру Сира Глендона. Так уж случилось, что сестричка всё ещё была девственницей, и у Данстэйбла не хватило денег заплатить за её непорочность. И был заключён договор, Сир Морган постучал по плечам её брата, производя в рыцари, прямо там, в Кискиных Ивах, на

глазах у двадцати свидетелей, после чего маленькая сестричка поднялась с ним наверх и позволила сорвать свой цветок. Вот как всё было.

Любой рыцарь может возвести человека в рыцари. Будучи оруженосцем Сира Арлана, Дунк слышал истории о людях, добивавшихся рыцарства различными угрозами или мешком серебряных монет, но не девственностью сестры.

— Это всего лишь байка, — услышал он свой голос. — Это не может быть правдой.

— Я слышал её от Кирби Пимма, который утверждает, что был там свидетелем возведения в

рыцари, — Сир Ютор пожал плечами. — Героя сын, шлюхин сын, или их обоих, при встрече со мной — он рухнет.

— Вам может выпасть другой противник.

Сир Ютор вскинул брови.

— Косгроув любит серебро не меньше, чем любой другой. Я обещаю вам, следующим мне выпадет Старый Бык, потом мальчишка. Хотите, побьёмся об заклад?

— Мне уже нечего ставить.

Дунк не знал, что расстроило его больше: то, что Улитка подкупал распорядителя игр для получения желаемого противника, или то, что

он хотел встретиться именно с ним.
Он встал.

— Я сказал то, что я собирался сказать. Мой конь и меч ваши, и мои доспехи тоже.

Улитка переплёл пальцы.

— Возможно, есть иной выход. Вы не совсем бесталанны. Падаете вы просто потрясающе. — Улыбка засияла на губах Сира Ютора. — Я одолжу вам вашего скакуна и доспехи... если вы поступите ко мне на службу.

— Службу? — Дунк ничего не понимал. — Какую службу? У вас уже есть оруженосец. Вам нужен гарнизон в каком-то замке?

— Может и понадобился бы,

будь у меня замок. Честно говоря, я предпочитаю хорошие постоянные дворы. Замки слишком дорого содержать. Нет, служба, которая от вас потребуется — встретиться со мной в поединке ещё на нескольких турнирах. Двадцати, думаю, будет достаточно. Вы, конечно, можете это сделать? Вы получите десятую часть от моих выигрышей, и в будущем я обещаю бить вас в вашу широкую грудь, а не в голову.

— Вы хотите, чтобы я ездил за вами, чтобы сбивать меня с лошади?

Сир Ютор с удовольствием рассмеялся.

— Вы такой здоровенный малый, никто не поверит, что какой

— то сутулый старик с улиткой на щите сможет повалить вас. — Он потёр подбородок. — Между прочим, вам надо будет поменять эмблему. Ваш повешенный человек уже достаточно зловещ, это я готов признать, но... он же повешен, не так ли? Побеждён и убит. Надо бы что-то посвирепей. Медвежья голова, например. Череп. Или лучше три черепа. Младенец, нанизанный на копье. И вам придётся отпустить волосы и завести бороду, чем гуще и неухоженней, тем лучше. Этих маленьких турниров, гораздо больше, чем вы думаете. Со ставками, которые я смогу заполучить, мы выиграем достаточно, чтобы купить

драконье яйцо ещё до...

— ... до вас дошли слухи, что я доведён до отчаяния? Я потерял доспехи, но не честь. Вы получите Грома и моё оружие, и ничего больше.

— Болезненная гордость доведёт до нищенства, сир. Вас может ожидать гораздо худшая участь, чем ездить со мной. Я хотя бы могу научить вас одной-двум вещам, которые пригодятся вам в турнирных схватках, в этом вы на сегодняшний день невежественная свинья.

— Вы строите из меня дурака.

— Я сделал это раньше. И даже дуракам надо есть.

Дунку захотелось сбить эту улыбочку с его лица.

— Я понимаю, почему у вас улитка на щите. Вы не истинный рыцарь.

— Сказано истинным олухом. Вы настолько слепы, что не видите опасности? — Сир Ютор отставил кубок. — Знаете ли вы, почему я вас ударил именно туда, куда ударил, сир? — Он поднялся на ноги и легонько дотронулся до центра груди Дунка. — Наконечник, помещённый сюда, отправил бы вас на землю также быстро. Голова — более мелкая цель, и нанести по ней правильный удар намного труднее, но... вероятность того, что он может

оказаться смертельным, гораздо выше. Мне заплатили, чтобы я вас ударил именно туда.

— Заплатили? — Дунк отпрянул от него. — Что вы имеете в виду?

— Шесть драконов было уплачено вперёд, обещали ещё четыре когда вы умрёте. Жалкая сумма за жизнь рыцаря. Будьте благодарны за это. Если бы предложили больше, я, может быть, направил бы остриё моего копья прямо в вашу глазную щель.

Дунк почувствовал, как у него опять закружилась голова. *"Зачем кому-то оплачивать моё убийство? Я не сделал ничего плохого ни одному человеку в Белостенном Замке".*

Сомнений не было, никто не ненавидел его больше, чем брат Эгга Эйрион, но Яркий Принц был в изгнании за Узким морем.

— Кто заплатил вам?

— Слуга принёс золото на рассвете, вскоре после того, как мастер игр составил пары. Его лицо было скрыто капюшоном, и он не назвал имя хозяина.

— Но почему? — спросил Дунк.

— Я не спросил. — Сир Ютор опять наполнил кубок. — Я думаю, у вас гораздо больше врагов, чем вы думаете, Сир Дункан. И почему нет? Кое-кто скажет, что вы и есть причина всех наших бед.

Дунк почувствовал, как холодная

рука сжала его сердце.

— Говорите, что вы имеете в виду.

Улитка пожал плечами.

— Я может и не был на Эшфордском Лугу, но турниры — мои хлеб и соль. Я слежу за турнирами издалека, так же преданно, как мастера следят за звёздами. Я знаю, как некий межевой рыцарь стал причиной Битвы Семерых на Эшфордском Лугу, что привело к гибели Бэйлора Копьелома от руки его брата Мэйкара. — Сир Ютор сел и вытянул ноги. — Принц Бэйлор был горячо любим. У Яркого Принца тоже были друзья; друзья, которые не забыли,

что стало причиной его изгнания. Подумайте о моём предложении, сир. Улитка оставляет за собой след слизи, но немного слизи не может повредить человеку... а вот если танцуешь с драконами — жди ожогов.

* * *

День показался Дунку гораздо сумрачней, когда он вышел из Улиткиной палатки. Тучи на востоке стали больше и чернее, а солнце уже опускалось на западе, создавая во дворе длинные тени. Дунк увидел оруженосца Уилла, осматривающего

ноги Грома.

— Где Эгг? — спросил он его.

— Лысый мальчишка? Я откуда знаю? Побежал куда-то.

"Он не смог пережить расставания с Громом, — решил Дунк. — Он, наверное, в палатке со своими книгами".

Однако его там не оказалось. Книги были здесь, аккуратно уложенные в стопку под спальником Эгга, но никаких признаков пребывания мальчика он не обнаружил. Что-то было не так. Дунк чувствовал это. Отправиться куда-то без позволения было совсем не похоже на Эгга.

Пара седых воинов пили

ячменное пиво возле полосатого шатра в нескольких футах.

— ... знаешь, иметь их всех в задницу, одного раза было для меня вполне достаточно, — пробормотал один. — Трава была зелёной, когда взошло солнце, айе...

Он замолчал, когда другой толкнул его локтем, и лишь затем посмотрел на Дунка:

— Сир?

— Вы не видели моего оруженосца? Его зовут Эгг.

Мужчина почесал седой ёжик за ухом.

— Я помню его. Волос ещё меньше, чем у меня, а рот в три раза больше его самого. Другие парни

малость его потрепали, но это было вчера. С тех пор я его не видел, сир.

— Напугался, небось, — сказал его товарищ.

Дунк бросил на него тяжёлый взгляд.

— Если он вернётся, скажите ему ждать меня здесь.

— Айе, сир. Это мы сделаем.

"Может, он просто пошёл досматривать турнир". Дунк отправился обратно к ристалищу. Проходя мимо конюшен, он наткнулся на Сира Глендона Болла, расчёсывающего красивого гнедого боевого коня.

— Вы не видели Эгга? — спросил Дунк.

— Он совсем недавно пробежал здесь. — Сир Глендон вытащил морковку из кармана и скормил гнедому. — Вам нравится моя новая лошадь? Лорд Костейн присылал оруженосца с выкупом, но я сказал ему, чтоб он поберег своё золото. Я собираюсь оставить её себе.

— Его Светлости это не понравится.

— Его Светлость сказал, что я не имею права помещать фэйрболл на свой щит. Он сказал, что моим знаком должен быть кустик кискиных ив. Его Светлость может отправляться трахать самого себя в задницу.

Дунк не смог сдержать улыбку.

Он тоже едал с этого стола, давился такими же горькими блюдами, что подавали люди вроде Яркого Принца или Сира Стеффона Фоссовея. Он чувствовал некое родство со вспыльчивым молодым рыцарем. *"Насколько я знаю, моя мать тоже была шлюха"*.

— Сколько лошадей вы уже выиграли?

Сир Глендон пожал плечами.

— Я потерял счёт. Мортимер Боггс всё ещё должен мне одну. Он заявил, что скорее съест свою лошадь, чем позволит какому-то шлюшкиному ублюдку скакать на ней. И он прошёлся молотом по своим доспехам, прежде чем

отослать их мне. Они полны дыр. Полагаю, я всё же смогу получить что-нибудь за металл.

Он выглядел скорее грустным, чем сердитым.

— Возле... постоянного двора, где я вырос, были конюшни. Мальчиком я там работал и, когда мог, тайком брал лошадей, пока гости были заняты. Я всегда хорошо ладил с лошадьми. Старые клячи, солдатские лошадки, скакуны, тяжеловозы, крестьянские коньки и боевые кони — я поездил на всех. Даже на Дорнийских песчаных скакунах. Тот старик, которого я знал, научил меня, как делать моё собственное копьё. Я думал, если я

покажу всем здесь, как я хорош, у них не будет другого выбора, как признать, что я сын своего отца. Но они не станут. Даже теперь. Они просто не станут.

— Некоторые не сделают этого никогда, — сказал ему Дунк. — Чтобы вы не сделали. Хотя другие... не все они одинаковые. Мне попадалась парочка хороших, — он мгновение поразмышлял. — По окончании турнира Эгг и я собирались отправиться на север. Поступить на службу в Винтерфелле и сражаться за лорда Старка с железнорождёнными. Вы можете поехать с нами.

Север — это отдельный мир,

любил повторять Сир Арлан. Там никто не будет знать историю о Дженни Грош и Рыцаре из Кискиных Ив. *"Там никто над тобой не станет смеяться. Они будут знать тебя только по твоему клинку и ценить так, как ты того стоишь"*.

Сир Глендон посмотрел на него с подозрением.

— Зачем мне это делать? Вы хотите сказать, что мне надо бежать и прятаться?

— Нет, я просто подумал... два меча лучше, чем один. Дороги не так безопасны, как раньше.

— Это правда, — нехотя сказал юноша, — но моему отцу было обещано место в Королевской

Гвардии, и моя цель — одеть этот белый плащ, который ему так и не довелось поносить.

"У тебя такие же шансы носить белый плащ, как и у меня, — чуть было не произнёс Дунк. — Ты был рождён от лагерной шлюхи, а я выбрался из канав Блошиного Конца. Короли не осыпают милостями таких, как мы". Однако было очевидно, что парень с трудом переносит правду. Вместо этого он сказал:

— Что же, силы вашей руке тогда.

Но не успел он отойти и на несколько футов, как Сир Глендон позвал его.

— Сир Дункан, подождите. Я...я не должен был быть так резок. Рыцарь должен быть вежливым, любила повторять моя мать.

Эти слова, похоже, тяжело дались юноше.

— Лорд Пик приходил ко мне после моей последней схватки. Он предложил мне место в Старпайке. Он сказал, что приближается такой шторм, какого Вестерос не видел несколько поколений, и Его Светлости потребуются мечи и мужчины, умеющие ими орудовать. Преданные мужчины, умеющие подчиняться.

Дунк с трудом мог в это поверить. Такое предложение было

весьма великодушным, а Гормон Пик демонстрировал явное презрение к межевым рыцарям и на дороге и на крыше.

— Пик — большой лорд, — осторожно сказал Дунк, — но не тот человек, которому бы я стал доверять.

— Нет, — покраснел юноша. — Была названа цена. Он возьмёт меня на службу, сказал он... но сперва я должен доказать свою преданность. Он проследил бы, чтобы в следующую пару я попал с его другом Скрипачом, и он хотел, чтобы я поклялся, что проиграю.

Дунк поверил ему. Он знал, что должен быть поражён, но почему-то

вовсе не был.

— И что вы ответили?

— Я сказал, что скорее всего не смогу проиграть Скрипачу даже если постараюсь, что я уже выбил из седла множество более искусных бойцов, и яйцо дракона будет моим ещё до того, как закончится день. — Болл вяло улыбнулся. — Не такого ответа он хотел. После этого он обозвал меня дураком и посоветовал поглядывать за спину. У Скрипача много друзей, сказал он, а у меня ни одного.

Дунк стиснул рукой плечо Глендона.

— Один у вас есть, сир. Два, когда я найду Эгга.

Парень посмотрел ему в глаза и кивнул.

— Приятно узнать, что не перевелись ещё истинные рыцари.

* * *

Дунку впервые удалось хорошо рассмотреть Сира Томмарда Хеддля, пока он высматривал Эгга в толпе у ристалища. Крупный, широкоплечий, с грудью, напоминающей бочонок, зять Лорда Баттервелла был одет в чёрный нагрудник поверх вываренной кожи и причудливый шлем, изображающий какого-то демона, чешуйчатого и слюнявого.

Его конь, гигантский зверь, покрытый кольчужной накидкой, был на три ладони выше Грома и на два стоуна [\[16\]](#) тяжелее. Вес всего этого железа делал его медленным, потому Хеддль не пустил его даже лёгким галопом, что вовсе не помешало ему быстро расправиться с Сиром Клэренсом Чарльтоном. Когда Чарльтона на носилках унесли с поля, Хеддль снял свой демонический шлем. Голова у него была большой и лысой, а борода чёрной и квадратной. Гнойные красные нарывы покрывали его щеку и шею.

Дунк знал это лицо. Хеддль был тем рыцарем, что наорал на него в

спальне, когда он прикоснулся к драконьему яйцу, и тем мужчиной с низким голосом, чей разговор с Лордом Пиком Дунк подслушал.

Слова вдруг беспорядочно посыпались на него: плутовской пир представили вы нам... сын ли своего отца этот мальчик... Злой Клинок... нужен меч... Старик Молококровный ожидал... сын ли своего отца этот мальчик... уверяю вас, что Кровавый Ворон-то не спит... сын ли своего отца этот мальчик?

Он стал рассматривать трибуны, подумав, что, может быть, Эгг каким-то образом умудрился занять положенное ему место среди знати. Однако мальчика не было и там.

Баттервелл и Фрей тоже отсутствовали, хотя жена Баттервелла всё ещё сидела на своём месте, выглядела она скучающей и усталой. "*Это странно*", — подумал Дунк. Это был замок Баттервелла, его свадьба, Фрей был отцом его невесты. Турнир был в их честь. Куда они могли уйти?

— Сир Ютор Андерлиф, — загудел герольд. Тень набежала на лицо Дунка, словно солнце вдруг зашло за тучи. — Сит Теомор из Дома Бульверов, Старый Бык, рыцарь Чёрной Короны. Выйдите и подтвердите свою доблесть.

Старый Бык выглядел устрашающе в своих кроваво красных

доспехах, а из шлема его торчали чёрные бычьи рога. Однако ему понадобилась помощь мускулистого оруженосца, чтобы взобраться на лошадь, а по тому, как он держал голову, пока скакал по полю, стало ясно, что Сир Мейнард был прав насчёт его правого глаза. Тем не менее, когда он выехал на ристалище, публика приветствовала его одобрительным рёвом.

Улитку не приветствовал никто, но тот, вне всякого сомнения, именно этого и хотел. В первый заход оба рыцаря нанесли косые удары. Во втором, Старый Бык разбил своё копьё о щит Сира Ютора, в то время как Улитка полностью промахнулся.

То же самое случилось и в третий, но в этот раз Улитка покачнулся в седле, со стороны казалось, что он чуть было не упал. *"Он притворяется, —* понял Дунк. *— Он затягивает схватку, чтобы получить лучшие ставки на следующую"*. Он оглянулся вокруг и увидел, как Уилл делает ставки на своего хозяина. Только тут до него дошло, что он сам мог бы положить в свой кошелёк монету другую, если бы поставил на Улитку. *"Дунк, болван, тупой, как баран"*. Старый Бык свалился на пятом заходе, сбитый на бок, после того, как наверху копьё, ловко соскользнув со щита, врезало ему в грудь. Во время падения его ступня

застряла в стремени, и его протащило по полю ярдов сорок, прежде чем его лошадь смогли успокоить. Вновь появились носилки, чтобы отнести рыцаря к мейстеру. Упало несколько дождевых капель и одежда Бульвера, в том месте, где он упал, потемнела. Дунк наблюдал за этим с непроницаемым лицом. Он думал об Эгге. *"Что, если мой тайный враг захватил его?"* В этом предположении было не меньше смысла, чем в любом другом. *"Мальчик ни в чём не виноват. Если у кого-то ко мне счёты, мальчик не должен быть за это в ответе".*

Когда Дунк нашёл Сира Джона Скрипача, тот снаряжался к своей следующей схватке. Не менее чем три оруженосца прислуживали ему, застёгивали доспехи и снаряжали лошадь. Лорд Эйлин Кокшо сидел неподалёку, потягивая разбавленное вино, вид у него был помятый и раздражённый. Увидев Дунка, Лорд Эйлин залопотал, проливая вино себе на грудь.

— Как это вы всё ещё ходите? Улитка вколотил вам лицо в череп.

— Стальной Пэйт сковал мне крепкий шлем, милорд. А голова моя тверда как камень, как бывало говорил Сир Арлан.

Скрипач засмеялся.

— Не обращайтесь внимания на Эйлина. Файрболлов бастард сбил его с лошади. Приземлившись на свой маленький пухлый зад, Эйлин решил, что теперь ненавидит всех межевых рыцарей.

— Эта жалкая прыщавая тварь не сын Квентина Болла, — настаивал Эйлин Кокшо. — Ему вообще не следовало позволять участвовать в турнире. Если бы это была моя свадьба, я повелел бы высечь его за наглость.

— Какая девушка пойдёт за тебя? — сказал Сир Джон. — И наглость Болла раздражает меня гораздо меньше, чем твоя надутость. Сир Дункан, вы случайно, не друг

Гэлтри Зелёному? Я должен буду
вскоре отделить его от лошади.

Дунк не сомневался в этом

— Я не знаю этого человека,

милорд.

— Хотите кубок вина? Хлеба и

ОЛИВОК?

— Мне надо поговорить с вами,

ЛИШЬ ОДНО СЛОВО, МИЛОРД.

— Вы можете сказать столько

слов, сколько пожелаете. Давайте
укроемся в моём шатре.

Скрипач придержал для Дунка

ПОЛУ ВХОДА.

— Не ты, Эйлин. Тебе, если

честно, как раз не стоило бы так налегать на оливки.

Войдя внутрь, Скрипач

повернулся к Дунку.

— Я знал, что Сир Ютор не убил вас. Мои сны никогда не ошибаются. И Улитка скоро должен со мной встретиться. После того как я выбью его из седла, я потребую вернуть ваше оружие и доспехи. И вашего жеребца тоже, хоть вы и заслуживаете коня получше. Примите ли вы одного от меня в подарок?

— Я... не... я не могу это сделать, — от этого предложения Дунку стало неудобно. — Я не хочу показаться неблагодарным, но...

— Если долг — это то, что вас беспокоит, то посудите сами, мне не надо вашего серебра, сир. Только

ваша дружба. Как вы можете быть одним из моих рыцарей не имея лошади?

Сир Джон натянул сделанные из соединённых стальных пластин перчатки и согнул пальцы.

— Мой оруженосец пропал.

— Может, сбежал с девчонкой?

— Эгг слишком мал, чтобы интересоваться девушками, милорд. По собственному желанию он бы меня никогда не оставил. Даже если бы я умирал, он бы оставался рядом, пока мой труп не окоченеет. Его конь по-прежнему здесь и наш мул тоже.

— Если хотите, я попрошу своих людей поискать его.

Своих людей. Дунку не

понравилось, как это звучит. "*Турнир изменников*", — подумал он.

— Вы не межевой рыцарь.

— Нет. — Улыбка Скрипача была полна мальчишеского очарования. — Но вы знали это с самого начала. Ещё когда мы встретились на дороге, вы называли меня милорд. Почему?

— То, как вы говорите, то, как вы выглядите, то, как вы себя ведёте. — "*Дунк, болван, тупой, как баран*". — Прошлой ночью на крыше вы кое-что сказали...

— Вино сделало меня разговорчивым, но я готов подтвердить каждое слово. Нам предназначено быть вместе, вам и

мне. Мои сны не лгут.

— Ваши сны не лгут, — сказал Дунк, — но не вы. Джон не настоящее ваше имя?

— Нет, — глаза Скрипача сверкали озорством.

"У него глаза Эгга".

— Его настоящее имя скоро будет раскрыто тем, кому надо это знать. -

Хмурый Лорд Гормон Пик проскользнул в шатёр. — Межевой рыцарь, я предупреждаю вас...

— Ой, прекрати, Горми, — сказал Скрипач. — Сир Дункан с нами или скоро будет. Я говорил тебе, он мне снился.

Снаружи завывала труба герольда.

Скрипач повернул голову.

— Меня зовут на ристалище. Молю извинить меня, Сир Дункан. Мы сможем продолжить наш разговор после того, как я отделаюсь от Сира Гэлтри Зелёного.

— Силы вашей руке, — сказал Дунк. Это была лишь вежливость.

Сир Джон ушёл, но Лорд Гормон остался.

— Его сны принесут нам всем смерть.

— Чего стоило купить Сира Гэлтри? — услышал Дунк собственный голос. — Достаточно было серебра или потребовалось золото?

— Как я вижу, кто-то

проболтался. Пик сел на складной стул. — У меня снаружи дюжина человек. Я должен позвать их и велеть перерезать вам глотку, сир.

— Что останавливает вас?

— Его Милости это не понравится.

"Его Милости". У Дунка было такое чувство, словно кто-то ударил его в живот. "Ещё один чёрный дракон, — подумал он. — Ещё один мятеж Чёрного Пламени. И скоро будет ещё одно Краснотравное Поле. Трава не была красной, когда встало солнце".

— Почему именно эта свадьба?

— Лорд Баттервелл хотел новую молодую жену, чтобы согреть свою

постель, а у Лорда Фрея была слегка запачканная дочь. Их брак послужил весьма благовидным поводом, чтобы схоже думающие лорды смогли собраться вместе. Большинство из приглашённых уже однажды дрались за Чёрного Дракона. У остальных есть причины быть недовольными правлением Кровавого Ворона, или они имеют какие-то свои обиды или амбиции. Чтобы обеспечить будущую преданность, у многих из нас забрали сыновей и дочерей в Королевскую Гавань, но большинство заложников скончалось во время Великой Весенней Хвори. Наши руки больше не связаны. Наше время пришло. Эйрис слаб.

Книжник, а не воин. Простонародье почти не знает его, а то, что они знают, им не нравится. Его лорды любят его ещё меньше. Его отец тоже был слабым, это правда, но когда на его трон надвинулась угроза, у него были сыновья, чтобы выйти на поле вместо него. Бэйлор и Мэйкар, молот и наковальня... но Бэйлора Копьелома уже нет с нами, а Принц Мэйкар сидит и дуется в своём Летнем Замке, поссорившись с королём и Десницей.

"Айе, — подумал Дунк, — а теперь один глупый межевой рыцарь доставил его любимого сына в руки врагов. Как ещё лучше обеспечить то, чтобы принц даже не

пошевелился выступить из Летнего Замка?"

— Есть ещё Кровавый Ворон, — сказал он. — Он-то не слаб.

— Нет, — согласился Лорд Пик, — но ни один человек не любит колдуна, а пролившие родную кровь прокляты в глазах богов и людей. При первых признаках слабости или поражения люди Кровавого Ворона растают как летний снег. И если сон принца окажется правдой, и живой дракон выйдет из Белостенного Замка...

Дунк закончил за него

— ...трон ваш.

— Его, — сказал Лорд Гормон Пик. — Я всего лишь скромный

слуга.

Он встал.

— Не пытайтесь покинуть замок, сир. Если вы попробуете, я посчитаю это изменой, и Вы ответите своей жизнью. Мы слишком далеко зашли, чтобы поворачивать обратно.

* * *

Со свинцового неба лил уже нешуточный дождь, когда Джон Скрипач и Сир Гэлтри Зелёный подняли свежие копья на противоположных концах ристалища. Некоторые свадебные гости,

съёжившись под плащами, направились в сторону большого зала.

Сир Гэлтри управлял белым жеребцом. Свисающий зелёный плюмаж украшал его шлем, плюмаж того же цвета свисал с кринета его коня. Его плащ был сшит из множества лоскутков различной материи, каждый различного оттенка зелёного цвета. Золотая инкрустация заставляла сверкать наголенники и перчатки, а на щите были изображены девять нефритовых кефалей^[17] на сине-зелёном поле. Даже борода рыцаря была выкрашена в зелёный цвет по моде тирошийцев, что за Узким морем.

Девять раз он и Скрипач мчались с копьями наперевес, рыцарь зелёного лоскутного плаща и юный лорд золотых мечей и скрипок, и девять раз их копья разлетались в щепки. К восьмому заходу земля размокла, а жеребцы взбивали тучи брызг, проносясь по дождевым лужам. На девятом Скрипач почти упал, но сумел удержаться в седле.

— Отличный удар, — закричал он, смеясь. — Вы почти что сбили меня, сир.

— Скоро так и будет, — проорал зелёный рыцарь сквозь дождь.

— А я думаю, нет, — Скрипач отбросил своё расщеплённое копье, и оруженосец подал ему новое.

Следующий заход был последним. Копьё Сира Гэлтри безрезультатно царапнуло по щиту Скрипача, в то время как копьё Сира Джона ударило зелёного рыцаря прямо в центр груди и выбило из седла, тот рухнул на землю в туче коричневых брызг. Дунк заметил вспышку молнии на востоке.

Трибуны мгновенно опустели, перемешавшиеся простолюдины и лорды заторопились прочь, не желая промокнуть.

— Смотрите, как они бегут, — прошептал Эйлин Кокшо, оказавшийся подле Дунка. — Несколько капель дождя, и все эти смелые лорды с визгом бегут искать

укрытие. Интересно мне, что они будут делать, когда разразится настоящий шторм?

Настоящий шторм. Дунк знал, что Лорд Эйлин говорил не о погоде. *"Что ему надо? Он внезапно решил стать моим другом?"*

Герольд опять взобрался на свой помост.

— Сир Томмард Хеддль, рыцарь Белостенного Замка, на службе у Лорда Баттервелла, — проорал он, перекрывая отдалённые раскаты грома. — Сир Ютор Андерлиф. Выйдите и подтвердите свою доблесть.

Дунк бросил взгляд на Сира Ютора как раз вовремя, чтобы успеть

увидеть, как улыбка на лице Улитки стала кислой. *"Не за это он заплатил"*. Распорядитель игр обманул его, но почему? *"Кто-то вмешался, кто-то, кого Косгроув ценит выше, чем Ютора Андерлифа"*. Мгновение Дунк пережёвывал эту мысль. *"Они не знают, что Ютор не собирается выигрывать, — внезапно догадался он. — Они считают его опасным, и хотят, чтобы Чёрный Том убрал его с пути Скрипача"*.

Сам Хеддль состоит в заговоре Пика, когда придёт нужда на него можно будет положиться. Так что остаётся только...

И вдруг сам Лорд Пик

промчался по грязному полю и взобрался на помост герольда, плаш трепетал за его спиной.

— Мы преданы! — закричал он. — Среди нас шпион Кровавого Ворона. Яйцо дракона похищено!

Сир Джон Скрипач пустил коня по кругу.

— Моё яйцо? Возможно ли это? Лорд Баттервелл день и ночь держит стражников у входа в свои покои.

— Убиты, — объявил Лорд Пик, — но один человек успел назвать своего убийцу перед смертью.

"Он собирается обвинить меня?" — пришло Дунку в голову. Дюжина человек видела, как он

держал в руках драконье яйцо, после того как отнёс Леди Баттервелл в супружескую постель.

Палец Лорда Пика обвиняюще указал вниз.

— Вон он. Шлюхин сын. Схватить его.

На дальней стороне ристалища Сир Глендон с изумлением посмотрел вверх. Какое-то мгновение он, похоже, не понимал, что происходит, пока не увидел бегущих по направлению к нему стражников. Тогда юноша начал двигаться так быстро, как никто другой, кого Дунк видел в жизни. Он успел наполовину вытащить меч из ножен, когда первый стражник

обхватил его руками за шею. Болл вывернулся из захвата, но на него набросились ещё двое. Они врезались в юношу и повалили в грязь. Остальные стражники толпились вокруг, крича и молотя ногами. *"Это мог быть я"*, — понял Дунк. Он чувствовал себя также беспомощно, как в тот день в Эшфорде, когда ему сказали, что он должен потерять кисть и ступню.

Эйлин Кокшо потянул его назад.

— Держитесь подальше от этого, если хотите найти своего оруженосца.

Дунк повернулся к нему.

— Что вы имеете в виду?

— Возможно, я знаю, где найти

мальчика.

На дальнем конце поля Сира Глендона грубым рывком поставили на ноги, зажав между двумя стражниками в кольчугах и полушлемах. Повалившись в грязи, он стал коричневым от пояса до лодыжек, кровь и дождь стекали по его щекам. *"Кровь героя"*, — подумал Дунк. Чёрный Том спешил к пленнику.

— Где яйцо?

Из рта Болла капала кровь.

— Зачем мне было красть яйцо?

Ещё немного, и я бы его и так выиграл.

"Айе, — подумал Дунк, — и этого они не могли допустить".

Чёрный Том ударил Болла в лицо закованным в кольчугу кулаком.

— Проверьте его седельные сумки, — скомандовал Лорд Пик, — готов побиться об заклад, мы найдём спрятанное, завёрнутое во что-нибудь яйцо.

— Так и будет, — понизив голос, произнёс Лорд Эйлин. — Идите за мной, если хотите отыскать своего оруженосца. Лучшего времени не будет, им всем сейчас не до вас.

Он не стал дожидаться ответа.

Дунку пришлось последовать за ним. В три больших шага он догнал лордёныша.

— Если вы причинили Эггу хоть какой-нибудь вред...

— Мальчики не в моём вкусе.
Туда. Ступайте живее.

Он прошёл вниз по грязным ступенькам в проход под сводчатым потолком и завернул за угол. Шлёпая по лужам, Дунк шествовал за ним под продолжающим усиливаться дождём. Они шли вблизи стен, прячась в тени, и, наконец, остановились в закрытом дворике, вымощенном гладкими, скользкими камнями. Строения нависали со всех сторон. Окна в них были закрыты и заколочены. В центре дворика находился невысокий каменный колодец.

"Уединённое место", — подумал Дунк. У него появилось плохое

предчувствие. Старый инстинкт заставил его потянуться к рукоятке меча, но тут он вспомнил, что Улитка выиграл у него меч. Дунк всё ещё щупал своё бедро в том месте, где должны были ножны, когда почувствовал укол ножа в спину.

— Только повернитесь, и я вырежу вашу почку и отдам Баттервелловым поварам на жаркое для пира.

Нож настойчиво кольнул сквозь куртку.

— К колодцу. Без резких движений, сир.

"Если он бросил Эгга в этот колодец, то ему понадобится что-то большее, чем этот маленький

игрушечный нож, чтобы спасти свою жизнь". Дунк медленно пошёл вперёд. Он почувствовал зарождающийся в животе гнев.

Лезвие у спины исчезло.

— Теперь можете повернуться, межевой рыцарь.

Дунк повернулся.

— Милорд, это всё из-за драконьего яйца?

— Нет, это всё из-за дракона. Вы думали я буду стоять и смотреть, как вы его у меня крадёте? — Лицо Сира Эйлина исказила гримаса. — Я должен был сообразить, что этой жалкой Улитке нельзя было доверять ваше убийство. Я заберу своё золото назад, всё, до последней монеты.

"Он? — подумал Дунк. — Этот пухлый, надушенный лордённыш с одутловатым лицом и есть мой тайный враг?"

Он не знал плакать ему или смеяться.

— Сир Ютор заработал своё золото. Просто у меня чугунная голова.

— Это заметно. Назад.

Дунк отступил на шаг.

— Ещё. Ещё. Ещё один.

С последним шагом Дунк оказался прижат к стене колодца. Камни упёрлись ему в поясницу.

— Садитесь на край. Вы же не боитесь немного искупаться? Мокрее, чем сейчас вы уже не

станете.

— Я не умею плавать, — Дунк положил руку на край колодца. Камни были мокрые. Один из них пошевелился при нажатии.

— Какая жалость. Вы сами прыгнете или мне кольнуть вас?

Дунк бросил взгляд вниз. Он увидел дождевые капли, шлёпающие по поверхности воды в добрых двадцати футах внизу. Стены колодца были покрыты слизью и водорослями.

— Я не сделал вам ничего плохого.

— И никогда уже не сделаете. Дэймон мой. Я буду командовать его Гвардией. Вы не достойны носить

белый плащ.

— Я никогда и не утверждал такого. — *"Дэймон"*. — Имя зазвенело в голове Дунка. — *"Не Джон. Дэймон, в честь отца. Дунк, болван, тупой, как баран"*. — У Дэймона Чёрное Пламя было семь сыновей. Двое погибли на Краснотравном Поле, близнецы...

— Эйгон и Эймон. Отвратительные безмозглые забияки, точно как вы. Когда мы были маленькие, им доставляло удовольствие мучить меня и Дэймона. Я плакал, когда Злой Клинок увёз его в изгнание, и снова плакал, когда Лорд Пик сказал мне, что Дэймон возвращается домой. Но,

увидев вас на дороге, он забыл о моём существовании. — Кокшо угрожающе махнул кинжалом. — Вы можете отправиться в воду в таком виде как сейчас или истекая кровью. Каков ваш выбор?

Дунк сомкнул пальцы вокруг шатающегося камня. Оказалось, что он шатался гораздо меньше, чем Дунк надеялся. Он ещё не успел вытащить камень, когда Сир Эйлин сделал выпад. Дунк отклонился в сторону, и лезвие прошло через его щит-руку. И тут камень выскочил. Дунк скормил его Его Светлости и почувствовал, как у того затрещали зубы.

— Колодец, говоришь?

Он врезал лордёнышу в рот ещё раз, затем уронил камень, схватил Кокшо за запястье и заламывал руку, пока не услышал, как треснула кость, и кинжал зазвенел по камням.

— После вас, милорд.

Сделав шаг в сторону, Дунк рванул лордёныша за руку и врезал ногой в крестец. Лорд Эйлин полетел в колодец головой вперёд. Всплеск был грандиозным.

— Отлично проделано, сир.

Дунк мгновенно развернулся. Всё, что он смог разглядеть сквозь дождь, был силуэт в капюшоне с единственным бледно-белым глазом.

Лишь когда человек подошёл поближе, затенённое капюшоном

лицо приобрело знакомые черты Сира Мейнарда Пламма, а бледный глаз оказался брошкой из лунного камня, что закрепляла его плащ на плече. Бултыхаясь и сквернословя, Лорд Эйлин звал на помощь из глубины колодца.

— Убивают! Кто-нибудь, помогите!

— Он пытался убить меня, — сказал Дунк.

— Это объясняет всю эту кровь.

— Кровь? — он посмотрел вниз. Его левая рука была красной от плеча до локтя, а туника прилипла к коже. — Ох.

Дунк не помнил падения, но внезапно он оказался на земле, а

дождевые капли стекали с его лица. Он мог слышать хныканье Лорда Эйлина в колодце, хотя плеск стал гораздо слабее.

— Вашу руку надо перевязать, — Сир Мейнард просунул свою собственную руку под Дунка. — Вставайте, в одиночку мне вас не поднять. Воспользуйтесь ногами.

Дунк воспользовался ногами.

— Лорд Эйлин. Он так скоро утонет.

— Никто о нём тосковать не будет, и меньше всех Скрипач.

— Он не скрипач, — прохрипел бледный от боли Дунк.

— Нет. Он Дэймон из Дома

Блэкфайров, второй этого имени. Вернее, так бы он себя называл, если когда-нибудь взобрался на Железный Трон. Вы были бы удивлены, узнав, сколько лордов предпочитают, чтобы их король был храбрым и глупым. Дэймон молод да удал, и хорошо смотрится на коне.

Крики, доносившиеся из колодца, ослабли и стали почти не слышны.

— Не должны ли мы сбросить Его Светлости верёвку?

— Спасти его сейчас, чтобы казнить попозже? Думаю, не стоит. Позвольте ему отведать то блюдо, что он собирался подать вам. Пойдёмте, обопритесь на меня.

Пламм повёл его через дворик. В такой близости было что-то странное в чертах Сира Мейнарда. Чем дальше Дунк смотрел, тем, казалось, меньше он мог разглядеть.

— Я убеждал вас бежать, если помните, но вы цените свою честь выше, чем свою жизнь. Достойная смерть хороша и почётна, но что если на кону не ваша жизнь, как тогда? Будет ли тогда ваш ответ прежним, сир?

— Чья жизнь? — из колодца раздался последний всплеск. — Эгг? Вы имеете в виду Эгга?

Дунк схватил Пламма за руку.

— Где он?

— С богами. Думаю, вы знаете

почему.

Приступ боли, закрутившийся внутри Дунка после этих слов, заставил его забыть о руке. Он застонал.

— Он пытался воспользоваться сапогом.

— Подозреваю, что да. Он показал кольцо мейстеру Лотару, а тот доставил его к Баттервеллу, который, без всякого сомнения, тут же обмочил штаны и начал размышлять, не выбрал ли он неправильную сторону и сколько Кровавый Ворон знает о его заговоре. И ответ на этот вопрос — весьма много.

Пламм рассмеялся.

— Кто вы?

— Друг, — сказал Мейнард Пламм. — Друг, который наблюдал за вами и удивлялся вашему присутствию в этом гадючьем гнезде. Теперь помолчите, пока мы вас не залатаем.

Стараясь держаться в тени, они добрались до маленькой палатки Дунка. Забравшись внутрь, Сир Мейнард тут же зажёл огонь, наполнил миску вином и поставил кипятиться.

— Чистый порез, и, по крайней мере, это не ваша меч-рука, — говорил он, разрезая рукав окровавленной туники Дунка. — Похоже лезвие прошло мимо кости.

Все равно, надо промыть рану, а то вы можете потерять руку.

— Это не имеет значения, — Дунка мутило, он чувствовал, что может вырвать в любой момент. — Если Эгг мёртв...

— ...то обвинят вас. Вам надо было держать его как можно дальше отсюда. Кстати, я никогда не говорил, что он мёртв. Я сказал, что он с богами. У вас есть чистая материя? Шёлк?

— Моя туника. Хорошая, та, что из Дорна. Что вы имеете в виду "с богами"?

— В своё время. Сперва ваша рука.

Вскоре от вина начал

подыматься пар. Сир Мейнард нашёл хорошую шёлковую тунику Дунка, подозрительно понюхал, и, вытащив кинжал, начал резать. Дунк проглотил возражения.

— Амброз Баттервелл никогда не был, что называется, решительным человеком, — Сир Мейнард свернул в комок три шёлковые полосы и бросил в вино. — У него были сомнения в отношении этой интриги, сомнения, которые разгорелись, когда он обнаружил, что у мальчика нет меча. А этим утром исчезло его драконье яйцо, вместе с последними остатками его мужества.

— Сир Глендон не крал яйцо, —

сказал Дунк. — Он весь день был во дворе, сражаясь или наблюдая за поединками.

— Пик все равно найдёт яйцо в его седельной сумке.

Вино закипело. Пламм натянул кожаную перчатку и сказал:

— Постарайтесь не кричать.

Затем он вынул полоску шёлка из кипящего вина и стал промывать рану.

Дунк не кричал. Он скрежетал зубами, прикусывал язык и лупил кулаком по бедру так, что оставались синяки, но не кричал. Сир Мейнард сделал бинт из остатков хорошей туники и обвязал им руку Дунка.

— Как вы себя чувствуете? —

спросил он, когда закончил

— Отвратительно, — Дунка
трясло. — Где Эгг?

— С богами. Я же уже говорил.

Дунк поднял здоровую руку и
обхватил шею Пламма.

— Говорите ясно. Я устал от
намёков и подмигиваний. Говорите,
где найти мальчика, или я сломаю
вашу проклятую шею, друг вы или
нет.

— Септа. Вам лучше пойти туда
вооружённым — Сир Мейнард
улыбнулся. — Это достаточно ясно
для вас, Дунк?

Сперва он посетил шатёр Сира
Ютора Андерлифа. Протиснувшись
внутрь, Дунк обнаружил лишь

оруженосца Уилла, который, согнувшись над корытом, скрёб хозяйскую одежду.

— Опять вы? Сир Ютор на пиру.

Что вам надо?

— Мой меч и щит.

— Вы принесли выкуп?

— Нет.

— Тогда с какой стати я позволю вам их взять?

— Мне они нужны.

— Это не уважительная причина.

— Как насчёт, попробуй остановить меня, и я тебя убью? Уилл изумлённо посмотрел на него:

— Они вон там.

У входа в замковую септу Дунк на мгновение остановился. *"Боги, сделайте так, чтобы не было слишком поздно"*. Его мечевой пояс, вернувшийся на привычное место, был туго затянут вокруг талии. Он прикрепил щит с виселицей на раненую руку, и этот груз при каждом шаге посылал волны боли, пронизывающие все его тело. Дунк боялся, что завопит от боли стоит кому-нибудь хотя бы прикоснуться к щиту. Он открыл дверь, толкнув её здоровой рукой.

Внутри септы было темно и тихо, свет шёл лишь от тех свечей,

что мигали на алтарях Семерых. Большинство свечей досталось Воину, чего и следовало ожидать во время турнира, множество рыцарей, прежде чем попытать свои шансы на ристалище, приходило сюда помолиться об ниспослании силы и отваги. Матери и Отцу досталось по дюжине, Кузнецу и Деве немногим меньше. Алтарь Неведомого, с единственной горящей свечой, был укрыт тенью. Подле сияющей лампы Старицы, склонив голову и беззвучно умоляя о мудрости, стоял на коленях Лорд Амброз Баттервелл.

Он был не один. Как только Дунк устремился к нему, два стражника, с суровыми лицами под

полушлемами, заступили ему дорогу. Оба носили кольчуги под зелёно-бело-жёлтыми одеяниями Дома Баттервеллов.

— Остановитесь, сир, — сказал один. — Вам тут нечего делать.

— Есть. Я предупреждал вас, что он меня найдёт.

Это был голос Эгга.

Когда Эгг выступил из тени возле алтаря Отца, и его обритая голова засияла в свете свечей, Дунк чуть было не рванул к нему, желая подбросить с радостным плачем и сжать в объятиях, но что-то в голосе Эгга заставило его заколебаться. *"Он звучит скорее сердито, чем испуганно, и я никогда не видел,*

чтобы у него был такой суровый вид. И Баттервелл на коленях. Что-то тут не то".

Лорд Баттервелл поднялся на ноги. Даже в тусклом свете свечей он выглядел бледным и мокрым.

— Дайте ему пройти, — велел он стражникам. Когда они отступили, он сделал Дунку знак подойти поближе. — Я не причинил мальчику никакого вреда. Я хорошо знал его отца, когда был Королевской Десницей. Мэйкар должен узнать, что всё это была не моя идея.

— Он узнает, — пообещал Дунк. *"Что здесь происходит?"*

— Пик. Это всё он, клянусь. — Лорд Баттервелл положил одну руку

на алтарь. — Да поразят меня боги, если я лгу. Он сказал мне, кого я должен пригласить, и кто не должен получить приглашения, и он привёл сюда этого возомнившего о себе мальчишку. Я никогда не хотел участвовать ни в каком мятеже, вы должны мне поверить. Том Хеддль, он подталкивал меня к этому, не буду отрицать. Он мой зять, муж моей старшей дочери, но я не стану врать — он участвовал в этом.

— Он ваш чемпион, — сказал Эгг. — Если он замешан, то значит и вы.

"Помолчи, — захотелось зареветь Дунку. — Твой болтливый язык погубит нас". Но Баттервелл аж

задрожал от страха.

— Мой лорд, вы не понимаете. Хеддль командует моим гарнизоном.

— У вас должно быть хоть сколько-нибудь верных воинов, — сказал Эгг.

— Те, которые здесь, — сказал Лорд Баттервелл, — И ещё немного. Я был беспечен, я признаю это, но я никогда не был изменником. Фрея и меня мучили сомнения об этом Пиковом воображале с самого начала. У него нет меча! Если бы он был сыном своего отца, Злой Клинок вручил бы ему Чёрное Пламя. И все эти разговоры о драконе... безумие, безумие и чушь. — Его Светлость вытер пот с лица рукавом. — А

теперь они забрали яйцо, яйцо дракона, которое мой предок получил от самого короля в награду за верную службу. Утром, когда я проснулся, оно было на своём месте и мои стражники клянутся, что никто не заходил и не выходил из спальни. Может быть, Лорд Пик купил их, я не знаю, но яйцо исчезло. Оно у них, или...

"Или из него вылупился дракон, — подумал Дунк. Если живой дракон вновь появится в Вестеросе, тогда, что лорды, что простой люд стекутся к тому принцу, кто объявит дракона своим.

— Мой лорд, — сказал Дунк, — одно слово с моим...моим

оруженосцем, если вы будете так добры.

— Как пожелаете, сир, — и Лорд Баттервелл продолжил молиться, опять опустившись на колени.

Дунк утянул Эгга в сторону и встал на одно колено, чтобы оказаться лицом к лицу:

— Я собираюсь врезать тебе в ухо так сильно, что твоя голова развернётся в обратную сторону и ты проведёшь остаток жизни, глядя туда, где уже был.

— Так вы и должны поступить, сир, — у Эгга хватило совести выглядеть смущённым. — Я прошу прощения. Я всего лишь хотел

отправить ворона к отцу.

"Чтобы я смог остаться рыцарем. Мальчик хотел добра".
Дунк бросил взгляд на молящегося Баттервелла.

— Что ты с ним сделал?

— Напугал, сир.

— Айя, это я вижу. К концу ночи у него будут мозоли на коленях.

— Я не знал, что ещё делать, сир. Мейстер отвёл меня к ним, как только увидел кольцо отца.

— К ним?

— К Лорду Баттервеллу и Лорду Фрею, сир. Там ещё какие-то стражники были. Все были жутко расстроены. Кто-то украл яйцо дракона.

— Не ты, надеюсь?

Эгг помотал головой.

— Нет, сир. Я знал, что угодил в передрагу, как только мейстер показал Лорду Баттервеллу моё кольцо. Я хотел сказать, что украл его, но решил, что они мне не поверят. Тогда я вспомнил, как однажды, мой отец пересказал мне слова Лорда Бладрэйвена, мол, лучше пугать, чем быть напуганным, вот я и сказал им, что мой отец послал меня сюда шпионить для него, что он на пути сюда со всей своей армией, и лучше Его Светлости освободить меня и оставить мятеж, иначе это будет стоить ему головы, — Эгг робко улыбнулся, — Сработало

гораздо лучше, чем я думал, сир.

Дунку очень хотелось взять парнишку за плечи и трясти пока у него не застучат зубы. *"Это не игра, — чуть не проревел он. — Это жизнь и смерть"*.

— Лорд Фрей тоже это слышал?

— Да. Он пожелал Лорду Баттервеллу счастья в браке и объявил, что незамедлительно возвращается в Близнецы. После этого Его Светлость отвёл нас сюда молиться.

"Фреи могут бежать, — подумал Дунк, — но у Баттервелла такой возможности нет, и рано или поздно он начнёт интересоваться, почему это принц Мэйкар и его

армия всё никак не явятся".

— Если Лорд Пик выяснит, что ты в замке...

Входная дверь септы с треском распахнулась. Развернувшись, Дунк увидел горящего гневом Чёрного Тома Хеддля в кольчуге и нагруднике. Дождевая вода капала с его мокрого плаща и собиралась в лужу у его ног. Дюжина воинов, вооружённых копьями и топорами, стояла позади него. Молнии за их спинами освещали небо синим и белым цветом, создавая внезапные тени на бледном каменном полу. Порыв влажного ветра отправил в пляс горевшие в септе свечи.

"О, семь проклятущих

преисподних", — всё, что успел подумать Дунк, прежде чем Хеддль произнёс.

— А вот и мальчик. Схватить его.

Лорд Баттервелл поднялся на ноги.

— Нет. Стоять. Не трогайте мальчика. Томмард, какой в этом смысл?

Лицо Хеддля скривилось в презрении.

— Не у всех нас молоко бежит по венам, Ваша Светлость. Я забираю мальчика.

— Ты не понимаешь, — голос Лорда Баттервелла сорвался на высокую дрожащую трель, — С нами

всё кончено. Лорд Фрей бежал, за ним последуют другие. Принц Мэйкар идёт сюда со своей армией.

— Тем больше причин взять мальчишку в заложники.

— Нет, нет, — сказал Баттервелл. — Я больше не хочу иметь ничего общего с Лордом Пиком и его ставленником. Я сражаться не буду.

Чёрный Том холодно посмотрел на своего лорда.

— Трус, — он сплюнул. — Говорите, что хотите, но вы будете сражаться или умрёте, мой лорд.

Он указал на Эгга.

— Олень первому, кто прольёт его кровь.

— Нет, нет, — Баттервелл повернулся к собственным стражникам. — Хеддль, останови их, ты слышишь меня? Я приказываю тебе остановить их.

Но все стражники и так в растерянности остановились, не понимая, кому подчиняться.

— Я должен сделать это сам? — Чёрный Том вытащил свой длинный меч.

Дунк сделал то же самое.

— Держись позади меня, Эгг.

— Уберите свою сталь, вы оба! — завизжал Баттервелл. — В моей септе кровопролития не будет! Сир Томмард, этот человек — щит принца. Он убьёт тебя!

— Только если упадёт на меня. — Чёрный Том оскалился в злобной усмешке. — Я видел, как он пытался сражаться.

— С мечом я лучше, — предупредил его Дунк.

Хеддль фыркнул и атаковал.

Дунк грубо отпихнул Эгга назад и повернулся навстречу клинку противника. Он довольно неплохо заблокировал первый удар, но меч Чёрного Тома врезал по щиту, и забинтованная рана отозвалась вспышкой боли, пронзившей руку. Дунк попробовал нанести ответный удар в голову Хеддля, но Чёрный Том ускользнул в сторону и рубанул снова. На этот раз Дунк едва успел

переместить щит. Сосновые щепки полетели в разные стороны, и Хеддль, рассмеявшись, продолжил атаковать — понизу, поверху и опять понизу. Дунк принял все удары на щит, но каждый из них отзывался мучительной болью в руке, и он обнаружил, что отступает.

— Бейте его, сир, — слышал он крики Эгга. — Бейте его, бейте его, вот же он!

Вкус крови стоял у Дунка во рту, и, что было хуже всего, его рана опять открылась. Волна слабости окатила его. Клинок Чёрного Тома обращал длинный ромбовидный щит в щепки. *"Дуб и железо храните меня от смерти и адового огня", —*

подумал Дунк, прежде чем вспомнил, что щит сделан из сосны. Когда его спина прижалась к алтарю, он, споткнулся, упал на одно колено и понял, что отступать больше некуда.

— Ты не рыцарь, — сказал Чёрный Том. — Не слёзы ли я вижу на твоих глазах, олух?

"Слёзы боли", — Дунк оттолкнулся и прыгнул щитом вперёд на противника.

Чёрный Том отлетел назад, но всё же, каким-то чудом, сумел удержать равновесие. Дунк рванулся за ним, лупя щитом вновь и вновь, и, пользуясь своим ростом и силой, прогнал через полсепты. Тогда он

сдвинул щит и рубанул своим длинным мечом. Хеддль закричал, когда сталь, прорезав шерсть, глубоко вошла в мышцы его бедра. Его меч взлетел, но удар получился отчаянным и неуклюжим. Дунк ещё раз подставил щит и вложил весь свой вес в ответ.

Чёрный Том отшатнулся назад и с ужасом уставился на свою кисть, что шлепнулась на пол у алтаря Неведомому.

— Ты, — прохрипел он, — ты, ты...

— Я говорил тебе, — сказал Дунк, погружая меч ему в горло. — С мечом я лучше.

Увидав лужу крови,

растекающуюся из-под тела Чёрного Тома, двое ратников выбежали под дождь. Остальные, застыв в нерешительности, сжимали свои копья и бросали косые взгляды на Дунка в ожидании слова своего лорда.

— Это... это плохо, — наконец выдавил из себя Баттервелл. Он повернулся к Дунку и Эггу. — Мы должны покинуть Белостенный Замок до того, как эти двое донесут весть до Гормона Пика. У него больше друзей среди гостей, чем у меня. Задние ворота в северной стене, там мы сможем проскочить... идемте, нам надо торопиться.

Дунк швырнул меч в ножны.

— Эгг, отправляйся с Лордом Баттервеллом, — он прижал мальчика к себе и понизил голос. — Не оставайся с ним ни на миг дольше, чем нужно. Загони Дождя, но сбеги скройся, пока Его Светлость опять не сменил сторону. Пробирайся в Девичий Пруд, он ближе чем Королевская Гавань.

— А вы, сир?

— Обо мне не беспокойся.

— Я ваш оруженосец.

— Айя, — сказал Дунк, — и ты сделаешь, как я сказал, иначе я таки врежу тебе в ухо.

Несколько человек, покидавшие большой зал, остановились накинуть капюшоны, прежде чем отважиться выскочить под ливень. Старый Бык и тощий хлюпик Лорд Кэсвелл, успевший в очередной раз напиться, не обратили на Дунка никакого внимания, Сир Мортимер Боггс с любопытством посмотрел на него, но счёл за лучшее не заговаривать, а вот Ютор Андерлиф оказался не столь застенчив.

— Вы опоздали на пир, сир, — сказал он, натягивая перчатки. — И, как я вижу, вы опять носите меч.

— Не беспокойтесь, вы получите за него свой выкуп, — Дунк не взял с собой свой измолотый щит,

а на раненую руку набросил плащ, скрывая кровь. — Если только я не умру, в этом случае, я позволяю вам обчистить мой труп.

Сир Ютор расхохотался.

— Что это за запах я чую, мужества или просто глупости? Насколько я помню, эти два аромата весьма схожи. Ещё не поздно принять моё предложение, сир.

— Вы даже не представляете, как поздно, — предупредил его Дунк. Не дожидаясь ответа, он оттолкнул Андерлифа и прошёл через двойные двери. Большой зал пах элем, дымом и мокрой шерстью. На верхней галерее музыканты наигрывали мягкую мелодию. С

высоких столов раздавался смех, там Сир Кирби Пимм и Сир Люкас Нэйлэнд соревновались, кто кого перепьёт. На помосте Лорд Пик что-то настойчиво доказывал Лорду Костейну, а невеста Амброза Баттервелла в одиночестве сидела на высоком сидении.

Ниже соли Дунк обнаружил Сира Кайла, который топил своё горе в эле Лорда Баттервелла. Его тарелка была наполнена густой тушёнкой из объедков, оставшихся от вчерашнего пира. "Миской коричневого" называли такое блюдо в трактирах Королевской Гавани. У Сира Кайла явно не было аппетита: нетронутая еда остыла, и плёнка жира блестела

поверх коричневой массы.

— Сир Кайл. — Дунк бухнулся на скамью возле рыцаря.

Кот кивнул.

— Сир Дункан. Хотите эля?

— Нет.

Эль был последним, что ему сейчас нужно.

— Вы нездоровы, сир? Прошу прощения, но вы выглядите...

"...гораздо лучше, чем чувствую".

— Что сделали с Глендоном Боллом?

— Его утащили в донжон. — Сир Кайл покачал головой. — Шлюхин сын или нет, мальчик никогда не казался мне вором.

— Он и не вор.

Сир Кайл прищурился.

— Ваша рука... как это...

— Кинжал, — Дунк,

нахмурившись, повернулся к помосту. Он избежал смерти дважды за один день, для большинства людей этого было бы более, чем достаточно. *"Дунк, болван, тупой, как баран"*. Он поднялся на ноги.

— Ваша Милость, — позвал он.

Лишь несколько человек на соседних лавках положили свои ложки, прервали разговор и повернулись в его сторону.

— Ваша Милость, — повторил Дунк, на этот раз гораздо громче. Он пошёл по мееринскому ковру к

помосту, — Дэймон.

Теперь затихла половина зала. За высоким столом человек, называвший себя Скрипачом, с улыбкой повернулся к Дунку. Дунк заметил на Скрипаче фиолетовую тунику. *"Фиолетовая, чтобы подчеркнуть цвет его глаз"*.

— Сир Дункан. Я рад, что вы с нами. Что вам от меня нужно?

— Справедливости, — сказал Дунк, — для Глендона Болла.

Имя эхом отразилось от стен и пол удара сердца казалось, что все присутствующие обратились в камень. Затем Лорд Костейн ударил кулаком по столу и прокричал:

— Смерти он заслуживает, а не

справедливости.

Дюжина голосов поддержали его, а Сир Херберт Пэйдж заявил:

— Он бастард. Все бастарды воры или того хуже. Кровь себя покажет.

На миг Дунк отчаялся. *"Я в одиночестве"*. Но тут, слегка пошатываясь, поднялся Сир Кайл Кот.

— Мальчик может и бастард, милорды, но он Файрболлов бастард. Как и сказал Сир Херберт — кровь себя покажет.

Дэймон нахмурился.

— Никто не чтит Файрболла больше чем я, — сказал он. — Я не верю, что этот фальшивый рыцарь от

его семени. Он украл яйцо дракона, убив трёх хороших человек при этом.

— Он ничего не крал и никого не убивал, — возразил Дунк. — Если три человека были убиты, ищите их убийцу в другом месте. Ваша Милость не хуже меня знает, что Сир Глендон весь день провёл во дворе, беспрестанно участвуя в поединках.

— Айя, — признал Дэймон. — Меня это тоже удивило, но драконье яйцо нашли у него.

— В самом деле? И где же оно?

С ледяным выражением на лице поднялся Лорд Пик.

— В безопасности и хорошо охраняется. И почему вас это интересует, сир? — властным

голосом проревел он.

— Принесите его сюда, — ответил Дунк, — Я хочу ещё раз взглянуть на него, милорд. Прошлой ночью я его плохо рассмотрел.

У Пика сузились глаза.

— Ваша Милость, — сказал он Дэймону, — до меня лишь сейчас дошло, что этот межевой рыцарь прибыл в Белостенный Замок вместе с Сиром Глендоном и тоже без приглашения. Он может быть участником всего этого.

Дунк проигнорировал это.

— Ваша Милость, яйцо дракона, которое Лорд Пик нашёл в вещах Сира Глендона, он сам туда и положил. Пусть он принесёт его

сюда, если сможет. Бьюсь об заклад, это не более, чем раскрашенный камень.

Зал взорвался. Сотня голосов зазвучали одновременно, дюжина рыцарей вскочили на ноги. Дэймон выглядел почти таким же юным и растерянным, как Сир Глендон, когда на него возвели обвинение.

— Вы пьяны, мой друг?

"Хотел бы быть".

— Я потерял немного крови, — признал Дунк, — но не разум. Сира Глендона обвинили несправедливо.

— Почему? — Дэймон отказывался поверить Дунку. — Если Болл, как вы утверждаете, ни сделал ничего плохого, то зачем Его

Светлости было обвинять его и пытаться подкрепить это каким-то раскрашенным камнем?

— Чтобы убрать его с вашего пути. Его Светлость купил остальных ваших противников золотом или обещаниями, но Болл продаваться отказался.

Скрипач покраснел.

— Это не правда.

— Это правда. Отправьте за Сиром Глендоном и спросите его сами.

— Я так и сделаю. Лорд Пик, немедленно доставьте сюда бастарда. И принесите яйцо дракона, я хочу рассмотреть его поближе.

Гормон Пик с отвращением

посмотрел на Дунка.

— Ваша Милость, бастарда допрашивают, я не сомневаюсь, что ещё пара часов — и он сознается.

— Под допросом милорд имеет в виду пытки, — сказал Дунк, — ещё пара часов и Сир Глендон сознается, что убил отца Вашей Милости и обоих братьев тоже.

— Довольно! — лицо Лорда Пика было почти фиолетовым. — Ещё одно слово и я вырву твой язык с корнем!

— Вы врёте, — ответил Дунк. — Это два слова.

— И ты пожалеешь об обоих, — пообещал Пик. — Схватить этого человека и заковать в донжоне.

— Нет, — голос Дэймона был пугающе тих. — Я хочу узнать правду. Сандерлэнд, Вирвел, Смоллвуд, возьмите своих людей и найдите в донжоне Сира Глендона. Немедленно приведите его сюда и проследите, чтоб ему не было нанесено никакого вреда. Если кто-либо попытается помешать вам, скажете, что выполняете приказ короля.

— Как прикажете, — ответил Лорд Вирвел.

— Я решу это так, как сделал бы мой отец, — сказал Скрипач. — Сир Глендон был обвинён в тяжком преступлении. Будучи рыцарем, он имеет право защищать себя силой своего оружия. Я встречу с ним на

ристалище, и пусть боги определяют вину и невиновность.

"Героя кровь или шлюхина кровь, в любом случае, теперь в нём её гораздо меньше", — подумал Дунк, когда двое людей Лорда Вирвела бросили к его ногам Сира Глендона.

Юноша был жестоко избит. Его лицо отекло и посинело, несколько зубов были поломаны или выбиты, из правого глаза сочилась кровь, а на груди осталось множество глубоких ожогов от калёного железа.

— Теперь ты в безопасности, — жужжал Сир Кайл. — Здесь нет никого, кроме межевых рыцарей, а боги знают, как мы безобидны.

Дэймон отвёл им покои

мейстера, наказав перевязать раны и подготовить Сира Глендона к поединку.

Смывая кровь с лица и рук юноши, Дунк обнаружил, что на левой руке вырваны три ногтя. Это обеспокоило его больше чем всё остальное.

— Ты сможешь держать копье?

— Копье? — Кровь и слюна закапали изо рта Сир Глендона, когда он попытался заговорить. — У меня все пальцы на месте?

— Все десять, — сказал Дунк, — но ногтей только семь.

Болл кивнул.

— Чёрный Том собирался отрезать мне пальцы, но его куда-то

позвали. Я с ним буду драться?

— Нет. Его я убил.

Эта новость заставила Глендона улыбнуться.

— Кто-то должен был это сделать.

— Ты сразишься со Скрипачом, но его настоящее имя...

— Дэймон, аяя. Они мне сказали. Чёрный Дракон, — Сир Глендон рассмеялся. — Мой отец погиб за него. Я мог бы стать его человеком и с радостью. Я бы дрался для него, убивал для него, погиб для него, но я не смог проиграть для него.

Он повернул голову и выплюнул поломанный зуб.

— Кружки вина не найдётся?

Юноша сделал долгий глубокий глоток и вытер рот:

— Гляньте, я трясусь как девчонка.

Дунк нахмурился:

— Ты сможешь сидеть на коне?

— Помогите мне умыться и принесите мой щит, копье и седло, — сказал Сир Глендон, — и вы увидите, на что я способен.

* * *

Уже почти рассвело, когда дождь утих настолько, чтобы поединок мог состояться. Замковый двор

превратился в трясину из мягкой грязи, влажно поблескивающей в свете сотен факелов. С дальнего края поля поднимался серый туман. Он тянулся призрачными пальцами к бледным каменным стенам, пытаясь ухватиться за зубцы. За несколько прошедших после пира часов многие свадебные гости успели исчезнуть, но те, что остались, вновь взобрались на трибуны и расположились насквозь промокших сосновых досках. Среди них был и Сир Гормон Пик, окружённый кучкой мелких лордов и крепостных рыцарей.

Дунк не забыл, что надо делать, ведь прошло всего несколько лет, как он был оруженосцем у старого Сира

Арлана. Он затянул ремешки на плохо подогнанных доспехах Сира Глендона, привязал шлем к латному воротнику, помог взобраться на коня и подал щит. Предыдущие схватки оставили глубокие выбоины в дереве, но пылающий файрболл всё ещё можно было разглядеть. *"Он выглядит таким же юным, как Эгг, — подумал Дунк. — Мрачный напуганный мальчик"*. На норовистой гнедой кобыле доспехов не было. *"Ему надо было взять свою собственную лошадь. Гнедая быстрее и чистокровней, но всадник лучше управиться с тем конём, которого он хорошо знает, а этот ему не знаком"*.

— Мне надо копьё, — сказал Сир Глендон. — Боевое копьё.

Дунк пошёл к стойке. Боевые копья были короче и тяжелее турнирных, которыми пользовались в предыдущих схватках; восемь футов крепкого ясеня с железным наконечником на конце. Дунк выбрал одно и вытянул из стойки, проведя рукой по древку, чтобы убедиться в отсутствии трещин.

На противоположной стороне ристалища, один из оруженосцев Дэймона подал ему такое же копьё. Тот больше не был Скрипачом. Вместо мечей и скрипок на попоне его коня был изображён трёхголовый дракон Дома Блэкфайров, чёрный на

красном поле. И принц смыл чёрную краску со своих волос, так что теперь они падали на его воротник каскадом серебра и золота, мерцая, словно кованый металл в свете факелов. *"У Эгга будут такие же волосы, если он когда-нибудь их отрастит"*, — осознал Дунк. Он обнаружил, что ему трудно представить Эгга таким, но знал, что однажды ему придётся это сделать, если, конечно, они оба доживут до этого дня.

Герольд вновь взобрался на свою площадку.

— Сир Глендон Бастард, обвинённый в воровстве и убийстве, — объявил он, — самолично выступает, доказывая

свою невиновность. Дэймон из Дома Блэкфайров, Второй Этого Имени, по праву рождения Король Андалов, Ройнаров и Первых Людей, владыка Семи Королевств и Хранитель Королевства, выступает, доказывая справедливость обвинений против бастарда Глендона.

Внезапно, прошедшие годы куда-то схлынули, и Дунк снова оказался на Эшфордском Лугу. Он слушал, что говорил Бэйлор Копьелом, перед тем как они отправились в бой спасти жизнь межевого рыцаря.

Дунк поставил боевое копьё обратно и выдернул турнирное из соседней стойки — двенадцать футов, тонкое, элегантное.

— Воспользуйся таким, — сказал он Сиру Глендону. — Мы использовали их в Эшфорде, в Битве Семерых.

— Но Скрипач выбрал боевое копьё, он собирается убить меня.

— Сначала он должен ударить тебя. Если правда на твоей стороне, его наконечник тебя не коснётся.

— Я не знаю.

— Я знаю.

Сир Глендон взял у него копьё, покрутил им и поскакал к арене.

— Семеро, храните нас обоих.

Где-то на востоке молния рассекла бледно-розовое небо. Дэймон стукнул жеребца по бокам золотыми шпорами и молниеносно

рванул вперёд, опустив боевое копьё со смертоносным железным наконечником. Сир Глендон поднял щит и поскакал ему навстречу. Он перекинул своё более длинное копьё через голову кобылы, целясь в грудь юного претендента. Грязь летела из-под конских копыт, и казалось, что факелы, по мере сближения рыцарей, разгорались всё ярче и ярче.

Дунк закрыл глаза. Он слышал треск, крик, удар.

— Нет! — услышал он полный отчаяния голос Гормона Пика. — Нееееееет!

На пол-удара сердца, Дунк почти что его пожалел. Он открыл глаза. Большой чёрный жеребец без

седока замедлял бег. Дунк вскочил и ухватил его за уздечку. На дальней стороне ристалища Сир Глендон Болл пустил свою кобылу по кругу, потрясая обломками копья. Люди выбежали на поле, туда, где лицом в луже неподвижно лежал Скрипач. Когда они помогли ему подняться на ноги, он был покрыт грязью с головы до пят.

— Коричневый Дракон! — закричал кто-то. Волна смеха пронеслась по двору. Над Белостенным Замком занималась заря.

Дунк и Сир Кайл стали помогать Глендону Боллу слезть с лошади, но не прошло и нескольких ударов

сердца, как сперва завывла труба, а затем часовые на стенах забили тревогу. Вырастая из утреннего тумана к стенам замка подходила армия.

— Эгг, оказывается, не врал, — сказал потрясённый Дунк Сиру Кайлу.

Из Девичьего Пруда пришёл Лорд Мутон, из Вороньего Древа — Лорд Блэквуд, из Закатного Дола — Лорд Дарклин. Королевский домен под Королевской Гаванью прислал Хейфордов, Росби, Мэссеев, и собственную королевскую дружину, возглавляемую тремя рыцарями Белой Гвардии и укреплённую тремя сотнями Вороновых Зубов с

высокими белыми луками из чардрев. Безумная Даниэлла Лотстон из зловещих Харренхолльских башен в черных доспехах, облежавших ее, словно железная перчатка, самолично скакала впереди своих войск, и её длинные рыжие волосы развевались на ветру. Свет восходящего солнца заблистал на наконечниках пятисот благородных пик и в десять раз большего количества ратницких копий. Серые ночные знамёна заиграли полусотней ярких цветов. Но выше их всех реяли два королевских дракона на чёрном, как ночь, поле: великий трёхголовый, красный как огонь, зверь Короля Эйриса Первого Таргариена, и белое

крылатое чудовище выдыхающее алое пламя.

"И всё же не Мэйкар", — осознал Дунк, увидав эти знаки. На знамени Принца Летнего Замка были изображены четыре дракона — два и два, знак четвёртого сына покойного Короля Дэйрона Второго Таргариена. Одиноким белым драконом объявлял о присутствии Королевской Десницы, Лорда Бриндена Риверса.

Сам Кровавый Ворон пришёл к Белостенному Замку.

Первый Мятеж Чёрного Пламени в крови и славе скончался на Краснотравном Поле. Второй Мятеж Чёрного Пламени закончился жалким писком.

— Они не смогут победить нас, — прокричал юный Дэймон со стены замка, после того как увидел окружившее их железное кольцо, — это к нашей же выгоде. Мы прорвёмся сквозь них и помчимся к Королевской Гавани! Трубы, играйте атаку!

Но рыцари, лорды и ратники лишь невнятно ворчали, а некоторые стали пробираться к конюшням, задним воротам или каким-то укромным местам, где надеялись обрести безопасность. А когда Дэймон вытянул и поднял над головой свой меч, каждый смог разглядеть, что это не Чёрное Пламя.

— Сегодня мы сотворим ещё

одно Краснотравное Поле, — пообещал претендент.

— Поссать я хотел на это, скрипачишка, — прокричал ему в ответ седой оруженосец, — Я лучше поживу.

Кончилось тем, что второй Дэймон Чёрное Пламя выехал в поле один и, остановившись напротив королевского знамени, вызвал на поединок Кровавого Ворона.

— Я готов драться с тобой, трусом Эйрисом или любым чемпионом, которого ты назовёшь!

Вместо этого, люди Лорда Бладрейвена окружили юношу, стянули с коня и заковали в золотые оковы. Знамя, которое он нёс,

бросили в грязь и подожгли. Оно горело долго, и поднимавшиеся от него клубы дыма были видны за много лиг вокруг.

Лишь одно кровопролитие произошло в тот день, когда человек Лорда Вирвела принялся хвастать, что он был одним из глаз Кровавого Ворона и скоро будет награждён.

— Ещё до смены луны, я буду трахать шлюх и пить красное Дорнийское, — видимо, пытался сказать он, но в этот момент один из рыцарей Лорда Костейна перерезал ему горло.

— Выпей-ка это, — сказал он, наблюдая как человек Вирвела захлёбывается собственной

кровью. — Хотя и не дорнийское, но тоже красное.

Остальные же печальной, безмолвной колонной прошли через ворота Белостенного Замка, побросали оружие в сверкающую кучу, преклонили колено и остались ждать приговора Кровавого Ворона. Дунк вышел вместе со всеми, в компании Сира Кайла Кота и Глендона Болла. Они хотели, чтобы и Сир Мейнард присоединился к ним, но Пламм за ночь успел куда — то испариться.

Поздним вечером Сир Роланд Крэйкхолл из Королевской Гвардии разыскал Дунка среди остальных пленников.

— Сир Дункан. Где в семи преисподних вы прятались? Лорд Риверс спрашивает о вас часами. Пройдёмте со мной, если вас не затруднит.

Дунк пошёл за ним следом. Длинный плащ Крэйкхолла, белый, как лунный свет или снег, хлопал за его спиной при каждом порыве ветра. Его вид заставил Дунка вспомнить о словах, произнесённых Скрипачом на крыше: "Я грезил. Вы, весь в белом с головы до ног, а длинный белый плащ струился с этих широких плеч".

Дунк фыркнул: *"Айя, а ещё ты грезил, что дракон вылупится из каменного яйца. Одно столь же*

вероятно, как второе".

Шатёр Десницы стоял в полумиле от замка, в тени раскидистых вязов. Дюжина коров щипала травку по соседству. *"Короли возносятся и падают, —* подумал Дунк, *— А коровы и народ продолжают заниматься своими делами"*. Так, бывало, говаривал старик.

— Что с ними будет? — спросил он Сира Роланда, когда они прошли мимо сидящей на траве группы пленников.

— Отправятся на суд в Королевскую Гавань. Рыцари и ратники должны легко отделаться, они ведь лишь следовали за своими

лордами.

— А лорды?

— Некоторых помилуют, если они скажут всё, что знают и отдадут сына или дочь в залог будущей верности. Хуже придётся тем, кто был помилован после Краснотравного Поля — их бросят в тюрьму или лишат имущества. Самые злостные потеряют головы.

Подходя к шатру, Дунк увидел, что Кровавый Ворон уже положил этому начало, вход обрамляли насаженные на копья головы Гормона Пика и Тома Хеддля, а их щиты были выставлены под ними. *"Три замка, чёрные на оранжевом. Человек, который убил*

Роджера Пеннитри".

Даже после смерти глаза Лорда Гормона смотрели сурово и твёрдо. Дунк подошёл и закрыл их.

— Зачем вы это сделали? — спросил один из стражников. — Они все равно скоро достанутся воронью.

— Я задолжал ему это.

Если бы Роджер не погиб в тот день, старик никогда не взглянул дважды на Дунка, гнавшегося за свиньёй по улицам Королевской Гавани. *"Все началось с того, что один старый мёртвый король дал меч одному сыну, а не другому, и теперь я стою здесь, а бедный Роджер лежит в могиле".*

— Десница ждёт, —

скомандовал Роланд Крейкхолл.

И прошагав мимо него, Дунк оказался лицом к лицу с Лордом Бринденом Риверсом, бастардом, колдуном, Десницей Короля.

Эгг стоял рядом с ним, свежeweмытый и наряженный в одежды подобающие племяннику короля. Невдалеке, на складном стуле, держа в руках кубок с вином, расположился Лорд Фрей. Его отвратительный наследник вертелся у него на коленях. Лорд Баттервалл тоже был здесь... на коленях, бледный и дрожащий от страха.

— Измена не становится менее подлой, если изменник оказывается трусом, — говорил Лорд Риверс. — Я

выслушал ваше мычание, Лорд Амброз, и верю одному слову из десяти. Исходя из этого подсчёта, я позволяю вам сохранить десятую часть своего имущества. Вы, также, можете оставить себе свою жену. Желаю вам с ней счастья.

— А Белостенный Замок? — дрожащим голосом спросил Баттервелл.

— Отходит Железному Трону. Я собираюсь разобрать его камень за камнем и засыпать землю, на которой он стоит, солью. Через двадцать лет никто не будет помнить о его существовании. Старые дуралеи и молодые вольнодумцы до сих пор совершают паломничества на

Краснотравное Поле и сажают цветы в том месте, где пал Дэймон Чёрное Пламя. Я не позволю Белостенному Замку стать ещё одним памятником Чёрному Дракону. — Он махнул бледной рукой. — Убирайся прочь, таракан.

— Десница очень добр, — Баттервелл заковылял прочь, ослепнув от горя настолько, что, похоже, не узнал Дунка, проходя мимо.

— Вы тоже можете удалиться, Лорд Фрей, — скомандовал Риверс. — Мы поговорим позднее.

— Как прикажете, мой лорд, — Фрей вывел сына из шатра.

Только после этого Королевский

Десница повернулся к Дунку.

Он был старше, чем Дунк его помнил, с морщинистым, суровым лицом, но его кожа по-прежнему была бледной как кость, а на щеке и шее всё так же краснело уродливое родимое пятно, которое, как многим казалось, по форме напоминало ворона. На Деснице были чёрные сапоги и алая туника. Поверх этого он носил дымчатого цвета плащ, закреплённый застёжкой в форме железной руки. Длинные, белые, прямые, достигающие до плеч волосы были зачёсаны вперёд, чтобы скрыть недостающий глаз, который Злой Клинок выбил на Краснотравном Поле. Оставшийся глаз был ярко-

красным. *"Сколько глаз у Кровавого Ворона? Тысяча и один"*.

— Вне всякого сомнения, у Принца Мэйкара были веские причины, чтобы позволить своему сыну стать оруженосцем у межевого рыцаря, — сказал Десница, — но я не могу представить, чтобы среди этих причины было препровождение принца в замок полный изменников, готовящих мятеж. Как так получилось, что придя сюда, я обнаружил своего кузена в этом гадючьем гнезде, сир? Лорд Баттервелл пытался убедить меня, что Принц Мэйкар прислал вас шпионить за мятежниками под видом таинственного рыцаря. Правда

ли это?

Дунк встал на одно колено.

— Нет, милорд. Я хотел сказать, да, милорд. Это то, что сказал ему Эгг. Эйгон, я хотел сказать. Принц Эйгон. Эта часть — правда. Но это не то, что называется истинной правдой.

— Понятно. То есть, вы двое узнали о заговоре против короны, и решили сами с ним справиться, так что ли всё было?

— И не так. Мы, вроде как, просто... нарвались на него, думаю это так надо назвать.

Эгг скрестил руки на груди.

— И Сир Дункан и я уже держали ситуацию под контролем,

когда ты появился со своей армией.

— Нам помогли, милорд, — добавил Дунк.

— Межевые рыцари.

— Айя, милорд. Сир Кайл Кот и Сир Мейнард Пламм. И Сир Глендон Болл, это он сбил с коня Скри... претендента.

— Да, я слышал уже эту историю от полусотни губ. Бастард Кискиных Ив. Рождён от шлюхи и изменника.

— Рождён от героя, — твёрдо сказал Эгг. — Если он среди пленников, я хочу, чтобы его нашли и освободили. И наградили.

— Да кто ты такой, чтобы указывать Королевскому Деснице что

делать?

Эгг не дрогнул.

— Ты знаешь кто я, кузен.

— Ваш оруженосец весьма дерзок, сир, — сказал Лорд Риверс Дунку. — Вы должны выбить это из него.

— Я пытался, милорд. Но он, всё же, принц.

— Дракон, вот кто он, — сказал Кровавый Ворон. — Поднимитесь, сир.

Дунк встал.

— Ещё задолго до Завоевателя были Таргариены, которым снились надвигающиеся события, — сказал Кровавый Ворон, — так что не стоит удивляться тому, если время от

времени этот дар проявляется и в ветви Чёрного Пламени. Дэймону снилось, что дракон будет рождён в Белостенном Замке, так и произошло. Дурачок лишь не угадал с цветом.

Дунк посмотрел на Эгга.

"Кольцо, — увидал он. — Кольцо его отца. Оно у него на пальце, а не спрятано в сапоге".

— Я почти что решил взять тебя с нами в Королевскую Гавань, — сказал Лорд Риверс Эггу, — и держать при дворе как... гостя.

— Моему отцу это не понравится.

— Полагаю, что нет. У Принца Мэйкара... обидчивая... натура.

Возможно, я должен отослать тебя обратно в Летний Замок.

— Моё место рядом с Сиром Дунканом. Я его оруженосец.

— Семеро спасите вас обоих. Как хотите. Вы вольны отправляться, куда угодно.

— Так мы и сделаем, — сказал Эгг, — но сперва нам надо немного золота. Сир Дункан должен заплатить Улитке выкуп.

Кровавый Ворон расхохотался.

— Что случилось с тем застенчивым мальчиком, которого я однажды встретил в Королевской Гавани? Как скажете, мой принц. Я велю моему казначею выдать вам столько золота, сколько вы

пожелаете. В разумных пределах.

— Только как ссуду, — настаивал Дунк. — Я всё верну.

— Не сомневаюсь, когда научитесь турнирному бою.

Лорд Риверс отослал их взмахом ладони, развернул свиток и принялся пером отмечать имена.

"Он помечает тех, кто должен умереть", — понял Дунк.

— Мой лорд, — сказал он, — снаружи мы видели головы. Скри... Дэймон... вы снимите его голову тоже?

Лорд Бладрейвен оторвался от свитка.

— Это решать Королю Эйрису... но у Дэймона четыре младших брата,

а также сёстры. Если я совершу редкостную глупость и отрублю его красивую голову, его мать будет горевать, его друзья проклянут меня как братоубийцу, а Злой Клинок коронует его брата Хэйгона. Мёртвый юный Дэймон — герой. Живой — препятствие на пути моего сводного брата. Ему трудно будет создать третьего Короля Чёрное Пламя, когда второй, к его неудобству, всё ещё жив. Кроме того, такой знатный пленник будет украшением нашего двора и живым свидетельством милосердия и доброй воли Его Милости Короля Эйриса.

— У меня тоже есть вопрос, — сказал Эгг.

— Я начинаю понимать, почему твой отец был так рад от тебя избавиться. Что тебе ещё от меня надо, кузен?

— Кто взял яйцо дракона? Стражники стояли у двери и на лестнице, никто не смог бы проскользнуть в покои Лорда Баттервелла незамеченным.

Лорд Риверс улыбнулся.

— Если бы я пытался разгадать эту загадку, я бы сказал, что кто-то забрался по сливу сортира.

— Слив для этого слишком узок.

— Для взрослого человека, ребёнок смог бы это сделать.

— Или карлик, — выпалил Дунк.

"Тысяча глаз и один. Почему бы некоторым из них не принадлежать труппе комических карликов?"

notes

Примечания

1

Слива

Масляный Колодец

Черное пламя — семейный
клинок дома Таргариен,
принадлежал Эйгону I Таргариену.

События второй повести, "Верный меч" (фанатский перевод) или "Присяжный рыцарь" (перевод Виленской, из-во АСТ). Говоря о человеке, сражавшимся на стороне Черного Дракона, Дункан подразумевает сира Юстаса Осгрея.

Подразумевается восстание,
поднятое Рэйнирой Таргариен —
Танец Драконов.

На средневековых пирах знатные гости сидели на возвышение — помосте; соль была дорога, потому её ставили лишь на верхний стол и соответственно к ней имели доступ лишь знатные гости, отсюда про гостей, что были попроще, говорили "ниже соли". Выражение в ходу до сих пор, — прим. переводчика

Присутствовал на Эшфордском Турнире и конечно узнал бы Дункана.

"Подлиственный"

Игра слов взбивай масло —
butter wel— и имя лорда Баттервелл

Персонаж второй повести,
"Верный меч".

Даговые рукава — рукава крылообразной или куполообразной формы. Бывали разной длины.

Содержание повести "Межевой рыцарь".

Лорд Отстоящих Земель

Стальной шлем, который плотно сидел на голове, часто с забралом

Эгг (англ. Egg) в переводе яйцо.
Здесь игра слов.

16

1 стоун = 6.35029318
килограмма

Кефаль — рыба, вид головля
(названа по большой голове)